

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Клиент
Пуаро

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова
Клиент Пуаро
Серия «Наследники
Остапа Бендера», книга 9

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935985

Клиент Пуаро. Леди Титаник : романы / Наталья Александрова:

Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36881-5

Аннотация

Мошенница экстра-класса Лола решила отучить своего говорящего попугая Перришона от нецензурной брани и грубых слов. А для этого обратилась к знаменитому специалисту по попугаям – профессору Пуаро. Разумеется, попытка перевоспитать грубияна провалилась, и Лола зря потратила время. Зато повстречала там околотеатральную особу Аглаю Плюсс, свою старинную знакомую. Дама пришла в неопиcуемый восторг от Перришона и пригласила его на кастинг в длинный сериал. В холле телецентра Лола с особым удовольствием поругалась с известным писателем Волкоедовым, пригрозив выцарапать ему при случае глаза. Зря она так неосторожно высказалась! На следующий же день этого великого человека нашли убитым...

Книга также выходила под названием «Попугай в пиджаке от “Версаче”».

Наталья Александрова

Клиент Пуаро

Викентий Федорович на секунду задержался перед большим окном и окинул взглядом свое отражение. Была у него такая тщательно скрываемая привычка. Он ловил свое отражение в каждом зеркале, в каждой витрине, в зеркальных окнах машин, в окнах домов...

Как всякая тщательно скрываемая привычка, эта привычка Викентия Федоровича была хорошо известна его коллегам и подчиненным. Не лишенный артистизма Сахаринов часто передразнивал начальника (конечно, только в его отсутствие) – застывал перед зеркалом с выражением печальной отрешенности на лице, медленно поводя головой, как павлин, и делая вид, что пытается разглядеть свой профиль.

Животовский смотрелся в зеркала не от самовлюбленности или самоуверенности. Напротив, несмотря на достаточно высокое положение, на известность, этот сорокалетний мужчина страдал неизжитыми подростковыми комплексами. Он был мучительно неуверен в себе. Ему казалось, что в его внешности или одежде что-то не в порядке, что-то не так – не застегнуты какие-нибудь важные пуговицы, или развязались шнурки, или неприлично растрепались волосы...

Викентий Федорович мучительно боялся показаться смешным.

Он на секунду задержался перед большим окном в холле, окинул быстрым взглядом свое отражение, убедился, что все в порядке – чуть редеющие темные волосы хорошо уложены и умело закрывают намечающиеся залысины, модные очки без оправы сидят так, как надо, длинный черный кожаный плащ с узким воротничком из голубой норки застегнут на все пуговицы.

Он воровато оглянулся – не заметил ли кто, как он смотрится в это окно.

В холле телецентра никого не было. Большинство сотрудников давно разошлось по домам, а разные дежурные и ведущие ночных передач сидели тихо, как мышки, по звуконепроницаемым норкам, занимаясь своим делом.

Только немолодой охранник оставался в своем деревянном вольере и изображал бдительность.

На самом деле он разгадывал кроссворд и сейчас мучительно ломал голову, пытаясь отыскать столицу европейского государства из девяти букв, с буквой «г» точно посередине. У него даже мелькнула шальная мысль попросить помощи у Викентия Федоровича, но он спешно прогнал эту мысль – известный режиссер, большой начальник, безусловно, рассердился бы на него за такую фамильярность.

Хотя на самом деле Животовский нисколько бы на него не рассердился и подсказал бы название этой несчастной столицы, потому что как раз в следующий понедельник собирался по делам в Стокгольм.

– До свиданья, Викентий Федорович! – заискивающе проговорил охранник, на всякий случай пряча кроссворд в стол.

Животовский ничего ему не ответил. Не от руководящего хамства, а оттого, что мучительно пытался понять: видел охранник, как он смотрелся в зеркало, или нет.

Автоматические двери открылись, выпуская известного режиссера и большого начальника, и плавно закрылись у него за спиной.

Викентий Федорович нашарил в кармане плаща брелок автомобильной сигнализации. Выполненный в виде жизнерадостного кролика, этот брелок напоминал Животовскому поездку в Америку, интервью, которое он давал журналу «Плейбой», и неудачную попытку выставить свой последний фильм на «Оскар».

Животовский вспомнил – и расстроился.

Для того он и держал этот «плейбойский» брелок, чтобы не зазнаваться, чтобы находиться в постоянном творческом поиске, для которого требуется плохое, а лучше – отвратительное настроение.

Он нажал кнопку, и любимый «Пежо» отозвался со стоянки радостным ржанием.

Животовский подошел к машине, предвкушая двадцать минут покоя в уютном салоне, пахнущем дорогой кожей и комфортом, под чарующую музыку Гаэтано Доницетти...

И в это время из-за громоздкого джипа Гоши Шапшевского, коммерческого директора телеканала, выскользнула су-

тулая фигура.

Узнав приближавшегося человека, Викентий Федорович огорчился.

Это было не то отвратительное настроение, которое нужно для поддержания творческого тонуса.

Это было тоскливое предчувствие утомительного разговора с занудой. К тому же еще не совсем нормальным занудой.

– Зачем вы пришли? – недовольно спросил Животовский. – Ведь я вам вчера уже все сказал!

– Я пришел, чтобы восстановить историческую справедливость! – пробубнил занудный псих.

– Вы на часы не смотрели? – Викентий Федорович скривился, как от целого лимона. – Рабочий день давно уже кончился! У меня совершенно нет сил! Ну разве так можно? Приходите завтра, в рабочие часы, я попрошу выписать вам пропуск... хотя прямо вам скажу – не знаю, о чем мы будем говорить! Я вчера все вам сказал, и, если придется повторять снова, честное слово, мне просто жалко своего и вашего времени!

– Вот видите! – Псих оживился, как будто нашел в словах Животовского неожиданную поддержку. – Вы сами сказали, что приходить завтра совершенно бессмысленно...

– Ну и что из того? – беспокойно переспросил Викентий Федорович, чувствуя, что странный человек заманивает его в какую-то ловушку.

– Значит, нет никакого смысла откладывать на завтра!

– Что откладывать? – Животовский огляделся по сторонам, надеясь, что появится кто-нибудь из коллег и поможет ему выкарабкаться из этого бесполезного, бесцельного и утомительного разговора.

Никого, разумеется, не было.

Охранник за стеклом входных дверей увлеченно разгадывал свой дурацкий кроссворд. Теперь ему требовался американский киноартист из пяти букв с буквой «й» точно посередине.

– Что откладывать? – тоскливо повторил Животовский, поняв, что подмоги не будет и придется выпутываться самому.

– Восстановление исторической справедливости.

Какой зануда! И почему он привязался именно к нему, к Викентию Федоровичу, известному и преуспевающему человеку?

Позвать, что ли, охранника, попросить прогнать этого идиота?

Животовскому стало стыдно. Он покажется смешным, беспомощным, мнительным... а именно этого он боялся больше всего на свете!

Он чувствовал, что покой в удобном салоне машины и музыка Доницетти откладываются, что прежде ему придется общаться с занудным кретином, обсуждать его дурацкие амбиции...

Сутулый человек подошел к нему вплотную, словно хотел что-то сказать на ухо. Животовский брезгливо отстранился и вдруг увидел, как в руке психа блеснуло что-то острое и тонкое. Викентий Федорович открыл рот, чтобы возмутиться, как следует отчитать этого идиота, который вообразил о себе невесть что. Но идиот снова придвинулся вплотную и коротким сильным ударом воткнул ему в грудь свое тонкое и острое оружие.

Почему-то Животовский в первое мгновение подумал, что кретин испортил замечательный кожаный плащ.

Во второе мгновение он почувствовал страшную, пронзительную боль и удивительную щемящую тоску, как будто ему предстояло навсегда расстаться с очень близким и любимым человеком. Впрочем, так оно и было, ведь у Викентия Федоровича Животовского не было никого ближе, чем он сам, а именно с самим собой ему предстояло расстаться.

Неожиданно в мире кончился воздух. Дышать стало нечем. Даже те жалкие крохи воздуха, которые удавалось невероятным усилием протолкнуть в легкие, негодились для дыхания – они были хрупкими и колючими, как битое стекло.

Животовский успел еще подумать, что ему так и не удалось получить «Оскара», а также «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля, и на этой мысли он остановился.

Викентия Федоровича Животовского, известного киноре-

жиссера и телевизионного продюсера, больше не существовало.

Тело в дорогом кожаном плаще с узким воротником из голубой норки сползло по блестящему боку «Пежо-406» и застыло на асфальте возле правого переднего колеса.

Сутулый человек внимательно посмотрел на дело своих рук, завернул орудие убийства в носовой платок и спрятал в карман.

Оглянувшись на стеклянные двери телецентра, за которыми невозмутимый охранник разгадывал кроссворд, он вполголоса проговорил:

– Историческая справедливость восстановлена...

Чуть подумав, добавил:

– Частично восстановлена! – и быстрым шагом направился за угол телецентра, где его ожидала машина.

В квартире стояла тишина. Но не та одинокая холодная тишина, которая наблюдается в квартирах, покинутых хозяевами надолго – уехали, к примеру, в отпуск или в долгую командировку. И не та мертвая тишина, какая бывает в абсолютно пустой квартире – хозяева переехали, квартиру выставили на продажу и вывезли все ценное, а остальное бросили за ненадобностью. Не было также в квартире гулкой тишины нового дома, когда в самой квартире еще никого нету, но от соседей сверху доносится визг дрели и постукивания, а за стеной кто-то шуршит и хлопает дверью, и на лестни-

це сквозняк, потому что носят и носят плитку, линолеум и мешки с цементом. В квартире никого нет, но понятно, что не сегодня завтра распахнется дверь и ворвутся в квартиру развеселые ребята-мастера, предводительствуемые солидным немногословным прорабом, набросятся на пол, потолок и стены и через некоторое время превратят пустой бетонный сарай в игрушку.

В этой квартире стояла совсем другая тишина – уютная, домовитая. Вот чуть треснул паркет, вот колыхнулась занавеска. Скрипнула оконная рама, с кухни донеслось удовлетворенное урчание холодильника.

Квартира была полна обитателей, но все они в этот поздний и теплый апрельский вечер вели себя тихо, почти не издавая звуков. Впрочем, звуки были.

Из большой клетки, стоявшей на тумбе в гостиной, доносилось постукивание и почесывание. Клетку накрыли платком, но тот, кто находился внутри, вел себя беспокойно.

С дивана доносились время от времени тихие взвизги и всхрапывания – там растянулся крошечный песик породы чихуа-хуа. Песик сладко спал, изредка подергивая во сне лапами. В другом углу дивана лежал, свернувшись калачиком, черный пушистый кот, даже в такой позе казавшийся огромным. Кот не шевелился и не издавал никаких звуков, но, присмотревшись к нему, можно было заметить, что глаза у кота открыты и он посматривает по сторонам весьма настороженно.

Кот Аскольд всегда заранее предчувствовал перемены. В этот раз ему пришлось расположиться на диване, поскольку его любимое кресло заняла Лола. Лола сидела в кресле, поджав ноги, и с увлечением читала толстую книгу. Таким образом тишину с ее стороны нарушал лишь шелест страниц. Вот она перевернула последнюю и захлопнула толстую книгу. Кот от звука не двинулся с места, только вопросительно приподнял одно ухо, Пу И, Лолин любимец, крошечный чихуа-хуа, названный ею так в честь последнего китайского императора, даже не проснулся.

В комнате было раскрыто окно, и внезапный порыв ветра всколыхнул занавеску. Лола слегка поежилась – все же вечером в апреле прохладно. Но лень было встать с кресла и закрыть окно. Только сейчас она поняла, что в комнате темновато. Надо же, как зачиталась... Лола потянулась в кресле и заметила, что кот смотрит на нее очень внимательно.

– Аскольд, а я знаю, что ты не спишь, – протянула она.

Кот не обратил на ее слова ни малейшего внимания, даже не повернул голову в ее сторону. Он напряженно прислушивался к чему-то одному ему ведомому. Лола, прекрасно изучившая кота, тоже стала прислушиваться, но ничего не слышала. Она тихонько потянула к себе тапочки и встала с кресла, потирая занемевшую ногу. В это самое время Аскольд сорвался с дивана и черной молнией бросился в прихожую, после чего сел там у двери, преданно поедая ее изумрудными глазами.

Привычно подивившись такой прыти и так же привычно обидевшись на кота, Лола потащилась на кухню. Она прекрасно знала, что кот Аскольд совершает такие кульбиты только в одном случае – минуты за три перед появлением в квартире Лени Маркиза – Лолиного компаньона. Больше кот ничем не проявлял своего особенного отношения, только иногда мурлыкал по утрам, лежа у Маркиза на груди.

Обиделась же Лола на кота, потому что она его кормила и даже пыталась вычесывать, он же принимал ее заботы как должное и очень редко выражал свою благодарность. Лола забыла в этот момент, как в трудную минуту, когда Ленька бросил ее и уехал с какой-то отвратительной провинциальной кривоногой каракатицей, звери сплотились вокруг нее и помогли пережить трудное время. И когда Ленька вернулся, а иного и быть не могло, звери приняли его в штыки. Но Маркиз с его обаянием легко сумел растопить холодок, возникший между ним и котом, и вот уж Аскольд сидит и смотрит на дверь так пристально, как будто хочет на ней дырку проделать...

Звонок в дверь раздался неожиданно: Лола прислушивалась к шуму лифта, а Леня решил подняться пешком.

– Ты дома? – удивился он. – Что это ты сидишь в четырех стенах, когда на улице такая прекрасная погода?

– А где мне прикажешь быть, как не дома? – огрызнулась Лола, но без настоящего куража.

Нынешним вечером у нее было такое расслабленное со-

стояние, что даже ругаться не хотелось. Ее компаньон ушел на какую-то деловую встречу, его вызвал один знакомый, якобы для того, чтобы предложить какое-то дело. Лола знала, что Леня вряд ли согласится, поскольку объекты для своих операций привык выбирать сам. Леня был мошенником экстра-класса, работал всегда один, то есть вместе с Лолой, и по мере надобности привлекал в процессе операции разовых помощников из числа старых проверенных знакомых. Сегодня Леня ушел на встречу, но Лола не слишком волновалась по этому поводу, потому что взяла со своего компаньона честное слово, что тот не станет ввязываться ни в какие сомнительные дела. Уж слишком много неприятностей случилось у них в последнее время. Казалось, судьба втягивает в них Лолу с Маркизом помимо их воли. Ну, разумеется, они с честью выходили из любых передраг, но все же везению когда-либо придет конец, а что тогда будет, Лола не смела и думать.

– Ты голоден? – спросила она Маркиза голосом заботливой жены.

– Не то чтобы голоден, но чаю с удовольствием выпью! – объявил Леня и устремился на кухню.

Лола взглянула на часы и покачала головой – четверть двенадцатого, кто в такое время ест? Впрочем, она не собирается указывать Ленке, это его личное дело. Лола нажала кнопку электрического чайника, выставила на стол сухое печенье и коробку трюфелей. Маркиз глянул на стол и удив-

ленно поднял брови. Под его взглядом Лола полезла в холодильник и достала оттуда солидный шмат ветчины, упаковку нарезанной ломтиками семги и кусок орехового рулета, после чего Леня сам ревизовал холодильник и добавил на стол еще баночку маринованных огурчиков и салями. Пока его боевая подруга заваривала чай, Леня успел отрезать кусок черного хлеба размером с надгробную плиту криминального авторитета и аккуратно уложить на него ветчину, салями и огурцы. Положив в большую кружку три ложки сахара, он размешал, отпил большой глоток и поморщился, после чего добавил еще одну ложку и только после этого откусил полбутерброда. По лицу Маркиза разлилось умиротворение, он подмигнул Лоле и снова отхлебнул из кружки, на которой был изображен черный кот с белыми лапами – судя по внешнему виду, близкий родственник Аскольда. Кот сидел, аккуратно сложив лапы, и внимательно наблюдал за божьей коровкой, ползущей по травинке.

То есть это нарисованный кот сидел спокойно, занимаясь созерцанием, а живой Аскольд в это время, почуяв запах копченой семги, страшно возбудился и встал на задние лапы возле стола, передними пытаясь дотянуться до вожделенной рыбы.

В принципе такое поведение было для Аскольда нехарактерно: он никогда не опускался до вульгарного попрошайничества, и Леня слегка удивился.

– Ты что – не кормила животных? – сурово спросил он

Лолу, поскольку в кухню явился заспанный Пу И и с жадностью уставился на ореховый рулет.

– Как это – не кормила? – забеспокоилась Лола. – Ты что говоришь-то? Разумеется, кормила, и плотно, как полагается в девять вечера, у них же режим! Попробовала бы я их не накормить, что бы они со мной сделали, интересно знать! Просто они жуткие обжоры, да ты еще тут не вовремя соблазняешь!

Леня промолчал, но удивленно оглянулся в поисках попугая Перришона, поскольку уже привык видеть всю троицу вместе. Откровенно говоря, так ему было спокойнее, поскольку попугай несомненно был самым хулиганистым из питомцев. Иногда он даже позволял себе такой откровенный акт вандализма, как нагадить на очередной Ленин безумно дорогой пиджак. Леня вспомнил, что, как всегда, бросил одежду в спальне на кровать, за что ему неоднократно попадало от Лолы. Она утверждала, что попугай совершает уголовно наказуемые деяния нарочно, чтобы приучить Маркиза к порядку и аккуратности. Леня страшно забеспокоился.

– Дорогая, а где Перришон? – спросил он, прожевав бутерброд. – Что-то его не видно...

– Ой! – вскрикнула Лола. – Вот его-то я как раз забыла покормить! Боже, бедная птица!

Она сорвалась с места и бросилась в гостиную, обеспокоенный Леня побежал за ней. Лола с душевным трепетом сдернула с клетки платок, попугай тотчас же подпрыгнул в

клетке и заорал:

– Кошмар-р! Жр-рать!

– Он прав, – заметил Леня, укоризненно глядя на свою провинившуюся подругу, – как это тебя угораздило забыть про попугая?

– Когда я их кормила, он спал, я не хотела его будить, а потом я зачиталась, – виновато бормотала Лола. – Ты не представляешь, какая интересная книжка! Это Конрад Лоренц, об этике животных...

– Вместо того чтобы книжечки почитать, лучше бы за животными следила! – запальчиво начал Маркиз.

Злить Лолу не следовало, Леня в принципе это знал, но от расстройства подзабыл.

– Ах вот как? – тихим голосом начала Лола. – Стало быть, я почитаваю книжечки, а ты страшно занят, да? Делом ты у нас, оказывается, занимаешься, да?

Леня счел за лучшее промолчать. Он выпустил Перришона из клетки, тот сразу же сел к нему на плечо и заворковал вкрадчиво:

– Пер-ренька хор-роший, Пер-реньке ор-решков...

– Конечно, дорогой, конечно, – растрогался Леня, – сейчас пойдем на кухню, Перренька покушает, все будет хорошо...

– Ой! – пискнула Лола, уже находясь в кухне. – У него же орехи кончились! А я забыла купить!..

– Дур-ра! – заорал попугай так громко, что Леня вздрог-

нул.

– Перришон!. – начал он строго. – Лола, конечно, виновата. Но ругаться нехорошо. Разве ты когда-нибудь слышал, чтобы я ее обзывал подобными словами?

Лола подумала про себя, что попугай мог слышать не только эти слова, но еще и многие другие, поскольку Ленка, когда разъярится, совершенно не следит за собственной речью. Однако попугай вел себя совершенно по-хамски, еще никому в этом доме не удавалось довести Лолу почти до слез. В самом деле, кому приятно, когда собственный попугай обзывает дурой? Тем более что это не соответствует действительности...

Раньше Лола никогда такого бы не простила, и попугаю была бы обеспечена веселая жизнь недели на две. Лола дулась бы, отчитывала его, перестала бы кормить вкусненьким, и Перришон был бы вынужден довольствоваться обычным птичьим кормом.

Такое могло бы произойти раньше. Но не теперь, ибо теперь Лола прочитала замечательную книгу Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», где много говорится о поведении животных, в частности о птицах. И вообще Лола в последнее время много думала и пришла к выводу, что они с ЛенеЙ неправильно воспитывают своих домашних любимцев. Она, например, что уж греха таить, ужасно разбаловала Пу И. Конечно, Пу И – это ее единственная радость в жизни (тут Лола слегка покривила душой, но, учитывая отповедь, которую

она получила сегодня от попугая, такое неудивительно).

А кота Аскольда распустил Ленька, он ему все позволяет и никогда не наказывает. Попугай же считался у них общим, то есть не имел постоянного хозяина. В свое время он просто влетел в открытую форточку, и у Лолы и Маркиза не хватило духа выгнать его снова на мороз. Лола повесила объявления на дверях подъездов их дома о том, что найден попугай, большой, разноцветный и очень красивый. Но никто на объявления не откликнулся, и Леня утвердился в мысли, что хозяева попугая нарочно оставили форточку открытой, чтобы избавиться от хулиганской птицы. Действительно, манеры у попугая оставляли желать лучшего.

«В этом-то все и дело», – подумала Лола.

– Ты о чем это? – подозрительно осведомился Маркиз, потому что Лола в задумчивости произнесла эти слова вслух.

После того что сказал попугай, Леня ожидал скандала и взрыва эмоций и даже потихоньку посоветовал Перришону убраться куда подальше, но нахальная птица его не послушалась.

– Мы все делаем неправильно! – объявила Лола. – Бедный Перришон страдает от одиночества и недостатка внимания...

– Вот как? – удивился Маркиз. – Чего же ему не хватает?

– Ну ты сам посуди: Пу И все-таки выходит на прогулки, опять же я вожу его в кафе и вообще на люди – себя показать.

– Свадьбу ему устроила в прошлом месяце, – поддакнул

Маркиз.

– Это не я, а хозяйка его невесты Пенелопы, – отмахнулась Лола.

– Не напоминай, – вздохнул Леня. – Как вспомню, сколько нервов вы попортили нам с Пу И...

– Ты-то тут при чем? – удивилась Лола. – Это же не тебя женили...

– Ладно уж, не будем углубляться, – проворчал Леня. – Кстати, как там поживает будущая мама Пенелопа? Надеюсь, она хорошо себя чувствует?

– Ой, нужно завтра позвонить и поинтересоваться! – спохватилась Лола. – Я очень волнуюсь за будущих щенков... Так вот, ты меня все время отвлекаешь, я так и не могу выразить свою мысль. Значит, Пу И ведет активный образ жизни, кот Аскольд, наоборот, превыше всего ценит личный покой, ему вполне достаточно общения с тобой.

– Допустим... – протянул Леня, в голове его мелькнул какой-то вопрос, но его отвлекли дальнейшие слова Лолы.

– А бедный Перришон все время сидит дома, у него совершенно нет никакой отдушины! Именно поэтому он все время подбивает кота и Пу И на всякие каверзы!

– Ты хочешь сказать, что Перришон пачкает мои пиджаки исключительно от тоски? – изумился Леня.

– Вполне возможно! – Лола смело встретила его взгляд.

– Не хочешь ли ты предложить мне взять в дом еще одного попугая, чтобы Перришончику не было так одиноко? –

всерьез разозлился Ленья.

Никогда нельзя решать серьезные вопросы во время еды, это вредит пищеварению. Лола прекрасно знала эту истину, но все же налила себе чаю и съела конфету. От сладкого она успокоилась и придвинула коробку Лене.

– Ты зря так кипятишься, – примирительно начала она, – я вовсе не хочу иметь в доме еще одного хулиганского попугая. Просто нужно вплотную заняться его воспитанием, кстати, и кота с Пу И подтянуть.

Тут Ленья наконец осознал, какой вопрос он хотел задать Лоле уже давно.

– Слушай, а где Аскольд?

Кота на кухне не было. Не было также на столе и увесистой упаковки с копченой семгой.

– Батюшки! – ахнула Лола. – Ему же нельзя соленой рыбы!

Кота обнаружили в комнате Маркиза, в самом темном углу. Он пытался когтем вспороть вакуумную упаковку. Рядом бестолково сутился песик.

Чтобы отнять рыбу, пришлось шлепнуть кота полотенцем, только тогда он отскочил, шипя, как раскаленный утюг.

Пищевая упаковочная промышленность оказалась на высоте, и рыба не пострадала. Кот улепетнул на шкаф и глядел оттуда, злобно мигая изумрудными глазами, как старый радиоприемник.

– Вот видишь, – говорила Лола, – вот видишь... Если уж кот оказался таким, то что требовать от попугая?

– Что же ты предлагаешь? – сдался Ленья.

– Нужно обратиться к специалистам! – объявила Лола. – Пускай Перришомом займется профессионал.

– Перренька, – ласково заговорила она, – ты хочешь учиться?

– К чер-рту! – честно ответил попугай.

Маркиз захохотал, но Лолу это несколько не обескуражило.

– Я все равно не отступлюсь! – пообещала она.

Ленья Маркиз плохо спал этой ночью, потому что кот Аскольд, страшно рассердившийся по поводу рыбы и удара полотенцем, долго возился на шкафу, шуршал там старыми журналами и сбрасывал их на пол. Потом, как только Ленья задремал, кот обрушился вниз с шумом и грохотом, как будто это не кот, а мартовская лавина. Ленья в ужасе вскочил с кровати, думая, что в городе началось землетрясение. После этого кот начал царапать дверь, требуя, чтобы его выпустили в коридор. И уже под утро такое же царапанье донеслось из коридора. Таким образом злопамятный Аскольд мстил хозяйину за вечерний инцидент.

Когда Ленья вышел на кухню, встряхивая тяжелой головой, он застал там Лолу, свежую, как майский день, веселую, как птичка, и полную энергии, как батарейка Энерджайзер. Лола пила кофе – со сливками, но без сахара, как обычно, – и листала газету «Реклама-шанс».

Маркиз сразу понял, что за ночь Лола только укрепилась в своем решении дать животным приличное воспитание. Он не стал спорить, налил себе кофе – очень крепкий, густой, с большим количеством сахара, но без сливок, и молча наблюдал за своей энергичной подругой.

– Так... корма для кошек и собак... это не то... – Лола вела по странице кончиком карандаша, – корма для аквариумных рыб... тоже не годится... корма для пресмыкающихся и земноводных... корма для птиц – это немножко теплее, но все-таки не совсем... Отдам в добрые руки полуторамесячного щенка питбуля... это, конечно, соблазнительно, но боюсь, Аскольд и Пу И станут возражать... кроме того, ему ведь не всегда будет только полтора месяца... А тут, Ленечка, представь – отдают в добрые руки аллигатора!

– Он же эти добрые руки запросто откусит, – прокомментировал Леня, – и хорошо, если только по локоть!

– А вот тут, смотри-ка, продаются пираньи!

– Ну что, отличная вещь! – Маркиз оживился. – У тебя врагов нет?

– Врагов? – Лола задумалась. – Разве что Ленка Сыромятникова... она прибрала к рукам все мои роли...

– Вот! – Леня кровожадно ухмыльнулся и потер руки. – Покупаешь парочку пираний и запускаешь их Ленке в ванну!

– Соблазнительно! – Лола порозовела и мечтательно уставилась в потолок, видимо, в красках представив себе конкурентку, купающуюся в ванне с пираньями. Через секунду

она помотала головой, отбрасывая восхитительное виденье, и продолжила изучение газеты.

– Пошив одежды «от кутюр» для собак и кошек! Лентя! Это нам просто необходимо! Пу И у нас очень плохо одет, а Аскольд вообще ходит в чем мать-кошка родила! В конце концов, это просто неприлично! Он же взрослый, солидный кот!

Аскольд, вовремя появившийся на кухне, поднял голову и посмотрел на Лолу с крайним неодобрением.

– С Аскольдом у тебя вряд ли что-нибудь получится, – совершенно серьезно проговорил Лентя, – вот именно, что он взрослый, солидный кот, со сложившимся характером и устоявшимися привычками, и всякого, кто попробует его одеть, так расцарапает, что мало не покажется. А Пу И ты, по-моему, и так неплохо одеваешь...

– Но я просто не знала, что для него есть одежда «от кутюр»!

– Кажется, ты искала что-то другое, – напомнил ей Лентя. Лола надулась и перевернула страницу.

– Так... здесь, кажется, началось то, что нам нужно. Школа дрессировки собак...

– Перришону вряд ли понравится сидеть за одной партой с ротвейлером или доберманом!

Попугай, внимательно прислушивавшийся к разговору, всплеснул крыльями и полным драматизма голосом воскликнул:

– Террор! Р-расизм! Пр-реступный сговор-р!

– Видишь, как он недоволен! – Маркиз покосился на попугая. – Боюсь, от стресса у него выпадут все перья! Кроме того, ты представляешь, как тяжело ему будет выполнять команды «лежать» или «фас»!

– Ленька, прекрати! – Лола запустила в компаньона подушкой. – Не делай из меня дуру!

– Конечно, он станет первым в истории служебно-разыскным попугаем, – с невинным видом проговорил Леня, возвращая подушку на место, – а это очень почетно...

Лола обиженно отвернулась от Маркиза и углубилась в изучение газеты. Будучи от природы очень отходчивой, через несколько минут она забыла свои обиды и радостно воскликнула:

– Вот, кажется, это то, что нам нужно! Школа для любых домашних любимцев! «Мы улучшим манеры вашего любимца. После нашей школы вы его просто не узнаете», – прочитала она рекламное объявление.

– Звучит двусмысленно. – Леня на всякий случай отодвинулся подальше от Лолы и убрал подушку. – Я бы предпочел узнать Перришона. А то вернут тебе совсем другого попугая или вообще – отдашь им Перри, а вернут тебе какого-нибудь индюка... ты его тогда точно не узнаешь!

– Заткнись, – коротко ответила Лола, протянув руку за телефонной трубкой. – Ты отлично знаешь, что такое реклама. Лола набрала номер «звериной школы».

Ей ответил мелодичный и приветливый женский голос.

– Здравствуйте! Спасибо за звонок в школу домашних любимцев «Артемон»! Чем мы можем вам помочь?

– Скажите, ведь вы занимаетесь... воспитанием не только собак?

– Конечно, нет! – с энтузиазмом ответила дама. – У нас есть специальный «курс молодого кота», где наши опытные инструкторы прививают осиротевшим котяткам необходимые гигиенические навыки, приучают их точить когти только в специально отведенных для этого местах и не проявлять нездорового интереса к хомякам, морским свинкам и прочим домашним животным... для самих хомяков тоже есть небольшой курс. Конечно, они не так развиты, как собаки и кошки, но мы обучаем их чистоплотности...

– Дело в том, что мой любимец – не четвероногий, – прервала Лола свою собеседницу.

– Не четвероногий? – Та искренне удивилась. – А какой же? Ах да, ведь есть еще змеи... но их вряд ли можно чему-то обучить. Они настолько самоуверенны, что совершенно не поддаются человеческому влиянию...

– Нет-нет! – в ужасе прервала Лола свою собеседницу. – Я совершенно не выношу змей!

Она вспомнила, как Маркиз, вернувшись из Египта, принес в дом змею, которую выдал за смертельно ядовитую египетскую кобру, и при этом воспоминании ее передернуло.

– А кто же? – Девушка окончательно растерялась. – Рыб-

ки? Но чему их можно научить?

– Да не рыбки! – Лола повысила голос, и Аскольд удивленно поднял левое ухо. – Не рыбки, а птица! У меня попугай!

– Ах да, действительно... – Девушка заметно поскуцнула. – Нет, к сожалению, для попугаев мы ничего не можем предложить... но вы не расстраивайтесь, мы постоянно находимся в творческом поиске и учтем ваши интересы. Звоните нам перед началом будущего учебного года, возможно, к тому времени мы уже откроем специальный класс для попугаев...

– А до будущего года он так и будет жить невоспитанный?

– Но ведь попугаи живут очень долго! Один год для него – не такой уж большой срок!

– Спасибо, утешили! – недовольно проворчала Лола. – Для него, может быть, и небольшой, а для меня – очень даже большой! – и с этими словами она раздраженно бросила телефонную трубку.

Наступившая в комнате тишина показалась Лоле подозрительной. Она подняла глаза на Маркиза. Боевой товарищ смотрел на нее с нескрываемым раздражением.

– Что такое? – невинно прощebetала Лола. – Ленечка, ты чем-то недоволен?

– Кончай маяться дурью! – рявкнул Маркиз. – Немедленно прекрати этот театр одного актера!

– И одного зрителя, – не удержалась Лола от реплики.

Однако она почувствовала, что на этот раз действительно

немного переиграла и Леня всерьез разозлился. Чтобы восстановить мир в доме, Лола решилась на колоссальную жертву: она направилась к плите и поставила в духовку венские булочки.

Конечно, это были замороженные полуфабрикаты булочек, но для нее и это являлось настоящим трудовым подвигом, а когда по квартире поплыл божественный аромат корицы и цукатов, Леня подобрел и смягчился.

Однако Лола не так легко меняла свои планы. То, что она вбила в свою хорошенькую головку, выбивалось оттуда с трудом.

Как только Маркиз расправился с булочками, привел себя в порядок и умчался по каким-то таинственным делам, она снова схватилась за телефон.

Когда у Лолы возникали серьезные проблемы, она обращалась к Маркизу, потому что тот умел справляться с ними, как никто другой. Серьезные проблемы были его специальностью.

Когда у Лолы возникали мелкие бытовые проблемы, она обращалась к Розе Тиграновне Аштоян, косметичке из салона красоты «Василиса». Правда, сама Роза Тиграновна очень обижалась, если ее называли косметичкой.

«Косметичка, золотая моя, – это маленькая сумочка для дамских мелочей, – говорила Роза Тиграновна, – а я – косметолог!»

Лола обращалась к Розе Тиграновне по всякому мелкому

поводу, потому что ее специальностью были маленькие дамские проблемы. И еще потому, что у нее было очень много знакомых. Если Роза Тиграновна не могла справиться с проблемой сама – она находила человека, который мог.

Вот и сейчас Лола набрала номер салона «Василиса».

Розу Тиграновну позвали к телефону, и Лола обрадовалась, услышав ее низкий басовитый голос, вполне подходящий для дона Базилио из «Севильского цирюльника».

– Розочка Тиграновна, – пропела Лола своим чарующим голосом, – это Лола. У меня небольшая проблема...

– Угри? – деловито осведомилась дама.

– Нет, что вы! – Лола махнула рукой, хотя собеседница не могла этого видеть.

– Неужели перхоть? – в ужасе воскликнула косметичка.

– Ну что вы! Я же сказала – *небольшая* проблема!

– Так в чем же дело? – Роза Тиграновна была заинтригована.

– Дело в том, что... мне нужен специалист по попугаям.

– Ваш попугай заболел?

– Нет, к счастью... но он стал очень грубо выражаться!

– Матом? – поинтересовалась дама.

– Ну, до этого, слава богу, пока не дошло... ему просто негде этого набраться... но все равно, он стал очень груб, и я хочу найти специалиста, который может что-то с этим сделать...

Роза Тиграновна совершенно не удивилась. Она привык-

ла к тому, что у богатых женщин встречаются самые невероятные причуды и что все эти причуды в наше время могут быть удовлетворены.

– Лолочка, золотко, подождите одну минуту, у меня клиентка поджаривается, я переверну ее на другой бок и поищу в своей книжке.

– У вас клиентка... что?.. – изумленно переспросила Лола. – Поджаривается? Я не ослышалась?

– Конечно, нет, – отозвалась Роза Тиграновна, – поджаривается в солярии. А что тут такого? Все хотят иметь золотистую корочку... то есть кожу.

Она на какое-то время удалилась, а потом в трубке снова послышался ее густой выразительный бас.

– Так, значит, вам нужен специалист по попугаям? Попугаи будут на «П»... пилинг... пирсинг... пресса... вот они, попугаи. Попугаи и другие говорящие птицы. Записывайте, Лолочка. Профессор Пуаро, Иван Васильевич... – и Роза Тиграновна продиктовала телефон и адрес.

«Ковать железо надо, пока оно не остыло, – подумала Лола, – и пока Ленки нету дома».

Она оделась соответственно ситуации – элегантно и слегка официально, заманила Перришона в клетку при помощи его любимого миндаля в сахаре, закрыла дверцу, несмотря на возмущенные вопли попугая, и направилась на улицу.

Перришон обиженно орал из клетки:

– Пр-роизвол! Репр-рессии!

Так что Лола накинула на клетку большой шелковый платок и велела попугаю вести себя прилично.

Из-под платка послышался жалобный вопль:

– Пр-реследуют пр-рессу! – и попугай затих.

Профессор Пуаро обитал в большой и старой квартире неподалеку от Капеллы.

На двери красовалась медная, хорошо начищенная табличка и старинный звонок с надписью «Прошу повернуть».

Лола повернула латунную ручку, и дверь почти тут же распахнулась.

На пороге появилась миловидная девушка в крахмальном белом переднике и такой же наколке на пышных рыжеватых волосах. Мило улыбнувшись Лоле и бросив заинтересованный взгляд на клетку, она повела посетительницу в глубь квартиры, по дороге вполголоса инструктируя ее:

– В приемной полагается соблюдать тишину... это, конечно, относится только к людям. Ни в коем случае не спрашивайте Ивана Васильевича о его родстве с Эркюлем Пуаро, он этого очень не любит.

Приближаясь к приемной, Лола слышала ровный шум многих голосов, что ее удивило – ведь там полагалось соблюдать тишину. Однако, оказавшись в светлом просторном холле, где посетители ждали приема, она моментально все поняла.

Посетители безмолвно сидели вдоль стен на мягких кожа-

ных банкетках, но зато их пернатые любимцы болтали без умолку.

Здесь были грачи и скворцы, галки и сойки, но подавляющее большинство, конечно, составляли попугаи.

Они говорили разными голосами, на разных языках, с разными интонациями, но не умолкали ни на минуту. Лола решила, что нет смысла ущемлять права Перришона, и сняла с его клетки платок.

Перришон радостно взмахнул крыльями, выпучил глаза, увидев столько своих соплеменников, и громко выкрикнул:

– Пр-ивет, р-ребята!

Появление нового персонажа оживило компанию, и крик в приемной стал еще громче.

Неожиданно распахнулась дверь кабинета, и оттуда вышли два человека, такие колоритные, что Лола удивленно захлопала глазами.

Впереди семенил очень маленький старичок в белоснежном халате и с огромными, лихо торчащими в стороны седыми усами. Судя по тому, с каким испуганным уважением смотрели на него присутствующие, это и был великий профессор Пуаро.

Следом за профессором важно выступала рослая и дородная дама с отчетливо выделяющимися на верхней губе черными усиками – вероятно, ассистент Ивана Васильевича.

Профессор начал торжественный обход приемной, останавливаясь возле каждого пернатого пациента и внимательно-

но осматривая его сквозь маленькие круглые очочки.

– Что у нас здесь? – жизнерадостно бормотал профессор. – У нас здесь попугай какаду... очень мило, очень мило... и чем мы страдаем? Ах, мы матом выражаемся! Очень мило, очень мило! И где же мы это подхватили? Ах, у нас дома ремонт делали! Очень мило, очень мило! Ну, это наш профиль, мы его от мата отучим, только следующий раз, мамочка, следите за его контактами! Это же птица, мамочка, она же очень внушаема!

«Мамочка» – моложавая дама в костюме от Пако Рабанна, взволнованно выслушала приговор профессора и записала что-то в крошечную книжечку из крокодиловой кожи.

Профессор двигался дальше.

– А здесь что у нас? Скворушка? Очень мило, очень мило... И на что же мы жалуемся? Ах, у нас плохое произношение, мы не выговариваем букву «Р»! Ну, это не беда, некоторые политики половину алфавита не выговаривают, и ничего, избирателей это даже очень устраивает! Так что скворцу это тем более простительно... Да ничего, ничего, не волнуйтесь, я шучу, мы обязательно научимся все буквы произносить!

Следующим был небольшой зеленый попугай, хозяйка которого нервно оглядывалась по сторонам и постоянно подкармливала своего питомца засахаренным миндалем.

– Так-так, – проговорил профессор, – мы немного перекормлены... на диету, на фруктовую диету!

– Профессор! – взволнованно проговорила дама, снова оглядевшись по сторонам и прижав руки к обширному бурно вздымающемуся бюсту. – Его жизнь в ваших руках!

– Ну, не преувеличивайте, мамочка, – Иван Васильевич потупился, – все не так уж плохо, немножко посидим на диване, и все будет хорошо!

– Не в этом дело! – воскликнула хозяйка. – Муж грозит его зажарить!

– Гр-риль! – истошно завопил зеленый попугай. – Барбекю!

– И что же я могу сделать с вашим мужем? – Профессор удивленно уставился на взволнованную даму. – Я же не психиатр! Я орнитолог!

– Ор-нитолог! – тут же повторил попугай.

– Вот видите! – несчастным голосом проговорила хозяйка. – Он все повторяет! Абсолютно все! И у него отличная память!

– На то он и попугай... так чего вы хотите?

– Дело в том, что он запоминает все то, что говорит муж, и потом повторяет это при гостях... а это иногда – коммерческая тайна! Муж страшно сердится и угрожает расправиться с ним...

– Зажар-рить! – проревел попугай голосом стареющего актера-трагика.

– М-да... – протянул Иван Васильевич, – проблема... Ну ладно, я постараюсь что-нибудь придумать.

Обходя приемную, профессор наконец дошел до Лолы с Перришоном.

Уставившись на Перришона сквозь круглые стекла очков, он привычно заквохтал:

– А это у нас ара, попугай ара... красавец, красавец, образцовое выращивание...

Перришон приосанился и радостно гаркнул:

– Р-рады стар-раться!

Иван Васильевич почесал шейку попугая и повернулся к хозяйке:

– На что жалуемся, мамочка? Выглядит он у вас очень хорошо!

– Он в последнее время стал очень грубо выражаться, – горестно потупившись, сообщила Лола.

– Матерится, что ли?

– Да нет, до этого пока не дошло, но вообще грубит...

Словно для того, чтобы подтвердить слова хозяйки, Перришон склонил голову набок, неодобрительно посмотрел на профессора и глубокомысленно изрек:

– Дур-рак! Стар-рый дур-рак!

Профессор обиженно отстранился, снял очки, протер их полой халата и после небольшой паузы проговорил:

– Да, действительно, грубит... самое главное, ерунду какую-то говорит, полную бессмыслицу...

Попугай надулся, выпучил глаза, сделавшись удивительно

похожим на артиста Хазанова, и проорал на всю приемную:
– Пр-рофессор-р кр-ретин!

Иван Васильевич снова надел очки, внимательно посмотрел на Перришона и произнес:

– Серьезный случай! Боюсь, что ваш красавец перенес в детстве тяжелую психическую травму... или не в детстве. Но отчаиваться не нужно, мы будем с ним работать, и давайте надеяться на положительный результат. Во всяком случае, так это оставить нельзя...

Обойдя всех пациентов, профессор вернулся в кабинет и продолжил прием.

Лола достала было из сумочки новый детектив Мымриной, который все никак не могла дочитать, но в это время в приемную влетела худая энергичная коротко стриженная брюнетка прилично за сорок.

Если бы дама не была так худая, ее появление можно было бы сравнить с появлением шаровой молнии – настолько она была заряжена каким-то живым электричеством. Воздух в помещении стал чуть слышно потрескивать, и Лола почувствовала, что волосы у нее на голове наэлектризовались и встали дыбом.

По этой характерной особенности она даже быстрее, чем по внешности, узнала свою старинную знакомую Аглаю Михайловну Плюсс, околотеатральную особу, с которой она встречалась еще в театральном институте и позже, в маленьком театре, где Лола работала несколько лет назад.

– Аглая! – окликнула Лола знакомую. – Аглая Михайловна!

Электрическая дама резко развернулась, узнала Лолу и кинулась к ней в объятия.

– Оленька, золотко! – восклицала она в своей преувеличенно темпераментной манере. – Сколько же я тебя не видела? Сто лет, наверное!

Лола, которая давно отвыкла от своего настоящего имени, чуть отстранилась, поправила сбившуюся прическу и проговорила:

– Ну, не стоит преувеличивать... не виделись мы с вами только три года... а что вы здесь делаете? – Она имела в виду, что Аглая пришла к профессору-орнитологу без птицы.

– Да так, по делам, – отмахнулась Аглая. – А ты-то чем занимаешься? – Она окинула быстрым внимательным взглядом дорогой Лолин костюм, свежее, ухоженное лицо. – Давно тебя нигде не видно... ни на сцене, ни на экране...

– Да так, кое-какие дела, – отмахнулась, в свою очередь, Лола. – А вы где сейчас работаете?

– На телевидении, – гордо сообщила Аглая, – занимаюсь кастингом...

Лола почувствовала легкий укол в области сердца.

Телевидение! Кастинг! Какие волшебные слова! Что бы там ни говорил Леня, только в этом мире, в сияющем мире кино и телевидения, Лола могла бы чувствовать себя по-настоящему счастливой! Только там она могла бы дышать пол-

ной грудью, вдыхая живительный, будоражащий воздух славы...

Словно прочитав Лолины мысли, почувствовав ее волнение, Аглая Михайловна слегка отстранилась от Лолы, поптичьи склонила голову набок (не зря все-таки она пришла к орнитологу), оглядела старую знакомую круглым выпуклым глазом и задумчиво проговорила:

– А что... в этом что-то есть... может быть, это именно то, что надо... нет, определенно, это наш случай...

На несколько секунд замолчав, она вдруг сложила руки и решительно проговорила:

– Олечка, детка, вы ничем не заняты завтра?

– Завтра? – переспросила Лола, делая вид, что раздумывает. На самом деле сердце ее бешено заколотилось, руки задрожали. Неужели это тот самый случай, та судьбоносная встреча, которая приведет ее в волшебный мир кино, к славе?

– Пожалуй, завтра я свободна, – ответила она равнодушным, скучающим тоном.

– Тогда зайдите завтра к нам на Чапыгина, в триста восьмой офис. Скажете, что от меня.

– Спасибо, Аглая Михайловна, – как можно спокойнее ответила Лола. В душе у нее пели фанфары.

– У нас в работе детективный сериал, – продолжала Аглая, – называется «Две дамы с попугаем». Это такая детективная комедия, у одной из героинь пропал муж, и они с по-

другой отправляются на поиски...

«Конечно, детективный сериал – это не совсем то, о чем я мечтала, – подумала Лола, – я хотела воплотить на экране сложный и разносторонний женский характер, трудную судьбу... но в целом это может стать первым шагом к осуществлению моей мечты... В конце концов, сериалы смотрят все... я могу сделать себе имя... меня увидит на экране известный режиссер, почувствует мой большой актерский потенциал...»

– Так, значит завтра, офис триста восемь! – грубо вторглась Аглая в ее мечты.

В это время дверь кабинета распахнулась, и Лолу с Перришом пригласили к профессору.

– Клянусь тебе, профессор именно так и сказал, – повторила Лола. – То, что Перришон так грубит, – это следствие скрытого неблагополучия в его непосредственном окружении. То есть в нашем доме. То есть в этом есть наша с тобой вина...

– Ну да, конечно, – недоверчиво проговорил Леня, подливая себе третью чашку кофе, – как в американском фильме. Маньяк-убийца зарезал маникюрными ножницами восемьдесят старушек только потому, что в раннем детстве его бабушка не позволила ему взять в дом бездомного щенка ирландского волкодава...

– С тобой совершенно невозможно разговаривать! – оби-

женно проговорила Лола. – Ты все высмеиваешь! Для тебя нет ничего святого! А он именно так и сказал! На психике птицы болезненно отражаются наши ссоры, и твои бесчисленные романы на стороне, и даже твое хроническое нежелание поддерживать в доме элементарный порядок...

– Бар-рдак! – очень своевременно завопил попугай. – Кругом бар-рдак!

– Ты еще тут! – покосился Леня на Перришона. – Шею сверну, и никакой профессор тебе не поможет!

– Террор! – переполошился попугай и тут же залебезил:

– Перри хор-роший, хор-роший! Пер-реньке ор-решков!

– То-то! Орешков тебе! – Леня погрозил попугаю кулаком. – По-моему, все, что ему нужно, – это строгость! Справедливая строгость! Никаких послаблений!

– А профессор сказал, – гнула свою линию Лола, – что все это имеет свои подсознательные причины и если мы хотим, чтобы птица прилично выражалась, мы должны начать с себя!

– Гриль, – решительно ответил Леня, посмотрев на Перришона гастрономическим взглядом, – или попугай-табака.

Утро началось с сумасшедшей гонки. Лола, конечно, проспала, именно потому, что очень боялась проспать. Обычно, если нужно было идти куда-нибудь ко времени, ее поднимал Маркиз, но в этот раз Лола не стала ничего говорить ему про встречу с Аглаей Михайловной и про ее приглашение на сту-

дию. Лола была полна радужных надежд и боялась сглазить. Если на телевидении ничего не получится, Ленька поднимет ее на смех. А если он узнает, куда она сейчас собирается, он может ее не пустить. Заведет свое – да зачем тебе, да что ты там забыла, на этой студии...

Размышляя так, Лола навела красоту и, выпорхнув из ванной, задумалась, что бы такое надеть, чтобы произвести на телевидении нужное впечатление. Высунув нос в форточку, она убедилась, что на улице похолодало, это вовсе ее не удивило – конец апреля, всякое еще может случиться. Лола вытащила шикарный, безумно дорогой плащ леопардовой расцветки, темные брюки и, порывшись в шкафу, подобрала кашемировый свитер цвета леопардового живота. Мало кому удастся без ущерба для жизни разглядеть цвет шерсти на животике у леопарда, но Лола решила считать таковым мягкий дымчато-палево-бежевый оттенок. Напоследок Лола оглядела себя в зеркале и осталась довольна. Волосы уложены, глаза задорно блестят, теперь, главное, не растерять веру в свои силы и боевой дух.

– У меня все получится! – сказала она и улыбнулась собственному отражению в зеркале. – Сегодня – мой день.

– Ты куда это намылилась? – не слишком любезно окликнул Лолу Маркиз, вернувшийся с прогулки вместе с Пу И.

– По делу! – ответила Лола, не вдаваясь в подробности.

Леня оглядел ее мельком и слегка забеспокоился – уж слишком Лолка шикарно выглядит. Неужели идет на свида-

ние? Это с утра-то, не может быть... С другой стороны, для делового разговора слишком сияют глаза, и волосы выются... Тут он вспомнил Лолины завиральные идеи насчет воспитания животных. Но нет, она не собирается никого из них везти с собой, стало быть, дело у нее личное. Леня мысленно махнул рукой, посчитав, что его взбалмошная подруга увлеклась какой-нибудь новой идеей.

Лола подкатила к известному всем в городе зданию на улице Чапыгина. То есть мало кто из жителей Санкт-Петербурга имел понятие о том, кто такой Чапыгин, но все знали, что на этой улице находится здание телецентра.

Внизу Лоле выписали пропуск, она поднялась на третий этаж и пошла по коридору, ища офис номер триста восемь, куда приглашала ее Аглая Михайловна. Когда-то давно Лола бывала в телецентре, но в другом корпусе. Вокруг копошился человеческий муравейник. Бегали какие-то девицы с бумагами и кружками из-под кофе, попадались компьютерные мальчики с глазами, привыкшими глядеть только в экран монитора. Прошел, печатая шаг, озабоченный мужчина, держа на вытянутых руках огнетушитель. Попались навстречу два типичных братка, которые оглядывались по сторонам и, подобно Лоле, искали нужную дверь. Лола удачно разминулась с братками и налетела на дородного немолодого мужчину в шикарном сером плаще. Пахнуло дорогим парфюмом.

– Хамство какое! – сказал мужчина, не глядя на Лолу.

– Простите! – растерялась она. – Я не хотела.

– Нет, ну это просто форменное хамство! – кипятился мужчина.

И тут Лола поняла, что обращается он вовсе не к ней. За широкими полами плаща почти не было видно крошечную девчушку – беленькую, чистенькую, в короткой юбочке. Голубые девчушкины глазки выражали откровенный ужас.

– Вы слышали, что я сказал? – орал мужчина. – Это просто отвратительное хамство! Так и передайте своему начальству!

– Но Алексей Кириллыч, – осмелилась пискнуть девчушка.

– Молчать! – гаркнул тот. – И не смей возражать!

Тут он заметил Лолу и круто повернулся к ней.

– Вам что? – проорал он по инерции, но тут же сбавил обороты, разглядев Лолу как следует.

– Да ничего. – Она пожала плечами, крикливый тип не вызывал положительных эмоций. – Вот хотела пройти, а то вы весь коридор перегородили. И между прочим, на меня налетели, на ногу наступили и даже не извинились.

– Простите! – сердито сказал мужчина. – Видите ли, я очень зол. Эти, с телевидения, – он махнул в сторону несчастной девчушки, – кого угодно до белого каления доведут! Приезжаю, понимаете ли, а ничего не сделано. Как говорится, а воз и ныне там!

– Но Алексей Кириллыч, – осмелилась вклиниться бедная девчушка, – вы же сами в прошлый раз...

– Молчать! – заорал мужчина, брызгая слюной.

Лоле стало противно, тем более она поняла, что мужчина не имел никакого отношения к телевидению, то есть был таким же посетителем, как она. Еще ей стало жалко девушку, на которую, судя по всему, валились все шишки.

– Позвольте пройти! – строго сказала Лола. – Я спешу.

И она пошла прочь, не оглянувшись. Вот и нужная комната. Лола глубоко вздохнула, мобилизовалась, придала лицу рассеяннo-мечтательное выражение и вошла.

Комната была небольшая, помещалось в ней четыре стола, один из которых оставался свободным. То есть за ним никто не сидел, но на столе было навалено жуткое количество вещей: папки с бумагами, а также просто бумаги, без папок, скоросшиватели, дыроколы, старые потрепанные блокноты и общие тетради.

За следующим столом сидел длинноволосый парень, уткнувшийся в экран старенького компьютера, на стук открывшейся двери он никак не отреагировал. Стол напротив казался почти пустым, только стояла табличка «Плюсс А. М.», валялись какие-то фотографии, зеркало с треснутой ручкой и длинное красное перо. Лола взгляделась в перо, оно было очень знакомо. Но тут ее взор обратился на хозяйку четвертого стола – белобрысую девушку с лошадиным лицом. Девушка делала одновременно три дела: слушала в наушник маленький магнитофон, разговаривала по телефону и пила кофе из большой кружки с отбитой ручкой.

– Вы к кому? – спросила девица хриплым голосом, оторвавшись от кружки и прижав трубку плечом к уху.

– Я к Аглае Михайловне. – Против воли, в голосе Лолы появились робкие нотки. – Она сказала: зайти сегодня.

Судя по взглядам девицы, на нее не произвел ни малейшего впечатления Лолин внешний вид, ее дорогая одежда и косметика.

– О, вы по поводу сериала? «Две дамы с попугаем»? – слегка оживилась девица. – Аглая предупреждала...

Тут она высунулась из-за стола и внимательно оглядела всю Лолу с ног до головы. Лола мысленно пожала плечами, но ничего не сказала. Девицу окликнули из телефонной трубки, она прикрыла ее рукой, бросив наушник, и сказала Лоле:

– Аглая будет попозже. Вы идите пока на пятый этаж в общий отдел, пятьсот семнадцатая комната, оформите там договор, потом в бухгалтерию. К тому времени и Аглая Михайловна подойдет...

Лола поблагодарила и понеслась на пятый этаж. Сердце ее билось достаточно учащенно, дорогой она приказала себе успокоиться, представив, что сказал бы по этому поводу Маркиз. Разумеется, он будет недоволен. Лола начнет пропадать на студии, потом начнутся фестивали и презентации... К Лоле наконец придет слава...

Тут ступеньки кончились, и Лола побежала по коридору, поглядывая на двери.

В комнате пятьсот семнадцать ее встретила средних лет усиленно молодящаяся дама. Дама была слегка полновата, одета в дорогой костюм, пахло от нее французскими духами. По сравнению с третьим этажом кабинет оказался поприличнее, стол у дамы был полированный, возле него стояло мягкое кресло, а на окне Лола заметила кофеварку, в то время как девица на третьем пила кофе явно растворимый.

– Вы от Плюсс? – воскликнула дама. – Она звонила мне вчера. Давайте, милочка, скорее, уже все сроки прошли! Если сегодня я не включу договор в смету, вам и денег не заплатят!

Деньги Лолу мало интересовали, ее интересовала слава. Однако ей понравилась та напористость, с которой дама из общего отдела взялась за договор.

– Значит, присядьте, вот вам анкета, заполните ее по возможности быстро, потом займемся договором, и тоже быстро, а то у меня обед скоро.

Лола углубилась в заполнение анкеты. Она записала уже свое имя, год и место рождения, образование и хотела уже перевернуть лист, как вдруг дама, привставшая со стула, отодвинула ее руку и вцепилась в листок с анкетой.

– Слушайте, что вы тут пишете? Чиж? Какой еще чиж? Нам нужен попугай!

– Какой попугай? – оторопела Лола. – При чем тут попугай?

– Дорогая, а как, по-вашему, называется сериал? – вскри-

чала дама. – «Две дамы с попугаем»! И вы еще спрашиваете, при чем тут попугай? А если у вас чижик, то мы-то тут при чем? Удивляюсь я на эту Плюсс, вечно присылает не то, что надо!

– То есть как это не то, что надо? – вскипела Лола. – Вы хоть анкету дочитайте! Нет у меня никакого чижа, это моя фамилия – Чижова! Чижова Ольга Николаевна, вот!

– Ну и что? – Дама в запале вскочила со стула и забегала по комнате. – Что мне с того, что вы – Чижова? Вы должны были написать в анкете кличку вашего попугая! Кличку, возраст, породу, место рождения, а также приложить две цветных фотографии – в фас и в профиль!

– А индивидуальный номер налогоплательщика-попугая не надо? – ядовито осведомилась Лола. – И карточку социального страхования?

– Если есть – то пожалуйста! – ответила дама. – И нечего так смотреть, у некоторых наших артистов все это есть!

– Вы хотите сказать... – до Лолы с трудом доходило очевидное, – вы хотите сказать, что вам нужен попугай?..

– Вот именно, милая, вот именно! – торжествующе прокричала дама. – И если Аглая вам этого не объяснила, то я уж и не знаю, кто это у нас такой непонятливый...

– Я этого так не оставлю! – заявила Лола. – Я немедленно выясню все у Аглаи Михайловны!

– Можете не торопиться, милая, – сообщила дама, – все равно у меня через десять минут обед!

– А вам бы я посоветовала, милая, – ответила на это обобленнная Лола, – вообще забыть это слово – обед! Поскольку при вашей комплекции очень даже может быть, что вы скоро в этот кабинет не войдете! Или не выйдете!

Она захлопнула за собой дверь, прежде чем хозяйка кабинета успела что-нибудь сказать, потом вихрем пронеслась на третий этаж и ввалилась в офис Аглаи. Сама Аглая Михайловна очень кстати оказалась на месте.

– Вы! – от злости Лола запыхалась. – Вы!..

– Ах, Олечка! – приветствовала ее Аглая. – Что это вы такая вздыбленная?

Она показала Лоле зеркало: действительно, волосы выглядели всклокоченными.

– И где же ваша очаровательная птичка? Отчего вы не принесли с собой попугая? – как ни в чем не бывало спрашивала Аглая.

– Это просто ни в какие ворота! Зачем вы это сделали? – кипятилась Лола.

– Что я такого сделала? Чем вы недовольны? Если не хотите, так бы и сказали! – отругивалась Аглая.

– Но вы же обещали роль мне! – Лола в запале уже совершенно не контролировала себя.

– Какую роль? Роль попугая? – поинтересовалась Аглая. – Олечка, вы нисколько не похожи...

Лола подлетела к Аглае, схватила ее за лацканы пиджака и начала трясти.

– Зараза! – кричала она. – Я этого так не оставлю! Вы меня еще не знаете! Такие шуточки... Узнаешь ты еще Ольгу Чижову!

Но Аглая Михайловна и сама была не промах, во всяком случае, она отреагировала на Лолину истерику совершенно спокойно. Белобрысой девице, с испугом выглядывающей из-за книжной полки, она махнула рукой, чтобы не нервничала, и та выскользнула за дверь.

– Сядь! – повелительно сказала Аглая. – Сядь и успокойся! С чего это тебя так разобрало, интересно знать? Жить, что ли, не на что? Ни за что не поверю! – Она окинула взглядом Лолин леопардовый плащ.

Лоле было безумно жалко расставаться со своими мечтами о славе, она надулась и глядела на Аглаю исподлобья.

– Разумеется, я приходила к профессору для того, чтобы выбрать подходящего попугая. Ведь он ведет учет всех своих пациентов, и почти всех попугаев возят к нему на консультацию. А тут я как раз встретила тебя с Перришоном. Кстати, как он поживает?

– Прекрасно! – угрюмо ответила Лола.

– Думаю, он нам очень подойдет, – пробормотала Аглая, – такой колоритный попугайчик...

– А вот эти... две дамы, на их роли у вас уже есть кандидатуры?

– Я тебя умоляю! – воскликнула Аглая, порылась в ящике стола, извлекла из него книжку в ярком переплете и потрясла

перед Лолой.

На обложке был изображен разноцветный попугай, очень похожий на Перришона, и две тетki лет примерно пятидесяти, причем одна из них очень толстая, в ярком платье в цветочек.

– Ну? – требовательно спросила Аглая. – Что ты об этом скажешь?

– Да уж, – пробормотала Лола.

– И что ты мне прикажешь делать? – горестно заговорила Аглая. – Как только услышат наши примадонны, что героиням под пятьдесят – как ветром их всех сдувает! Трубку телефонную даже не берут, на студии меня как чумную обходят! Им, видите ли, которым пятьдесят, подавай роли тридцатилетних! А если ей сорок, то она норовит девочку восемнадцатилетнюю сыграть! С этой пластической хирургией совсем с нашими заслуженными сладу не стало! Перерезаются, перетянутся, морду чуть не на затылок натянут – ну молодница, да и только! Это если издалека, а камера-то она все видит...

– Ну а если кого постарше пригласить, кому под семьдесят... – неуверенно предложила Лола.

– А те как раз на свой возраст и выглядят, им уже никакой хирург не поможет! – отмахнулась Аглая. – Ну, можно, конечно, морду подштукатурить, но камера-то все видит, а с ней и телезрители заметят. И потом, в нашем сериале много действия, эти две тетki там то дерутся, то бегают от банди-

тов, то вообще в старом замке по подземельям ползают...

– Старость не радость, – сочувственно вздохнула Лола. В ее двадцать восемь слово «старость» казалось пустым сотрясением воздуха.

– Ну, тебе-то об этом нечего печалиться! – ответно вздохнула Аглая. – Вот мне уже пора задуматься... Но вот что я тебе скажу: стареть нужно уметь!

– Как это – уметь? – удивилась Лола. – Что тут уметь-то? Старость – она сама ко всем приходит, уж этого никто не минует...

– Вот гляжу я на некоторых наших отечественных див, – начала Аглая, тяжело вздыхая, – и вместо человека вижу работу хирурга, косметолога и визажиста. Уж ты мне поверь, глаз у меня наметанный, это же моя профессия – в людях разбираться. Вот я и думаю – зачем все это? Ведь все равно зрители знают, сколько ей лет, ведь вспомнят люди, что она в шестидесятых годах в кино снималась! Так каким же образом ей сейчас может быть тридцать?

– Тяжелый случай, – рассмеялась Лола. – Как же вы с ними ладите?

– Ох, с этим сериалом у меня сплошная головная боль! – пожаловалась Аглая. – Если честно, то еще неизвестно, как все в дальнейшем сложится, потому что у нас ведь еще несчастье – продюсера убили!

– Да что вы? – ахнула Лола. – Ну надо же...

– Да, три дня назад. Никто не знает, с чего бы это. Вот про-

сто зарезали на стоянке, охранник никого не видел. Сейчас вопрос решается с сериалом. Да еще актерский состав никак не подобрать. Так что ты уж приноси своего попугая, хоть одной заботой у меня меньше станет. Перришончик твой такой хорошенький, просто класс! Очень киногоничен!

«Шею ему сверну!» – подумала обозленная Лола, но вслух обещала, что позвонит в ближайшие дни. На том они с Аглаей расстались, вроде бы примирившиеся, но на душе у Лолы скребли кошки. Ей было ужасно обидно, что она так глупо попалась, теперь Аглая подумает, что дела у нее совсем плохи, раз Лола готова согласиться на любую роль. А дурацкие мечты о славе! Верно Ленька говорит, что Лолины амбиции ее когда-нибудь погубят. Вспомнив про своего компаньона и представив себе все ехидные слова, которые он мог бы ей сказать, Лола совсем пала духом.

В расстроенных чувствах Лола свернула в туалет. Ей неудержимо захотелось снять стресс, а самым безобидным методом для снятия стресса она считала хорошую сигаретку.

Однако в этом стремлении она оказалась не одинока. В светлом помещении, отделанном дорогим кафелем, кто-то уже рыдал.

Присмотревшись, Лола узнала маленькую несчастную девушку с круглыми голубыми глазами, на которую недавно безобразно орал в коридоре дородный мужчина в длинном плаще.

Голубые глазки наполнились слезами, хрупкие плечики тряслись от рыданий.

Лола, которая сама только что была готова разреветься от унижения, при виде чужого горя взяла себя в руки и, взяв девушку за хрупкое плечико, протянула ей пачку «Вог».

– Брось переживать, – проговорила она, щелкая зажигалкой, – они все того не стоят. Давай лучше покурим.

Девчушка благодарно улыбнулась сквозь слезы и дрожащей рукой вытащила из пачки тонкую сигарету.

– Это ты из-за того старого козла? – поинтересовалась Лола, округлив рот и выпустив аккуратное колечко дыма.

Девчушка кивнула. Сделав две затяжки, она немного успокоилась и подняла на Лолу глаза:

– Он вообще-то не козел... это очень известный писатель Алексей Волкоедов!

– Подумаешь. – Лола пожала плечами. – Никогда такого не слышала!

– Ну как же, у него столько романов... Цикл про Могильщика... такой ужас...

– А даже если известный – разве это дает ему право так разговаривать с женщиной? – не согласилась Лола. – Тебя как зовут?

– Таня, – ответила несчастная девчушка.

Ее бледное личико, до сих пор напоминавшее своим цветом клиента городского морга, постепенно приобретало нормальный живой оттенок.

– А меня Лола. Что он на тебя так наехал-то?

– По его книгам сейчас снимают сериал – «Могильщик-5», может, смотрела «Могильщик-4»?

Лола отрицательно помотала головой.

– Ну, неважно... короче, в титрах должны указывать его фамилию – «по роману Алексея Волкоедова». Они фамилию указали, но она держалась на экране только полсекунды, а за полсекунды разве кто-то разглядит? Ну, вот он и приехал скандалить. Начальство с ним не захотело сталкиваться, всем велели говорить, что Сам у губернатора, а зам в мэрии, хотя на самом деле зам на месте, а Сам поехал смотреть унитазы...

– Что?! – поразилась Лола. – Что смотреть?

– Унитазы, – спокойно повторила Таня. – А ты что, не заметила, какие у нас туалеты приличные?

Лола огляделась. Действительно, войдя в туалет, она обратила внимание на дорогой кафель, зеркала, блестящие аксессуары.

– А все остальные помещения тесные, запущенные, столет не отремонтированные. – продолжала Танечка. – Все дело в том, что Сам – председатель правления телекомпании – раньше занимался оптовой торговлей сантехникой и по старой памяти сохранил к сантехнике теплое отношение... Он и теперь в первую очередь тратит деньги на отделку туалетов... ну, и очень следит за всеми новинками в этой области. Вот сегодня уехал на выставку европейской сантехники. А

зам его, Охмуряев, заперся в кабинете и никого не велел пускать. Ну вот Мальва Левкоевна, секретарь Самого, и послала меня на амбразуру... умирять Волкоедова. Ну, дальше ты сама видела... он меня чуть не съел!

– Ты-то чем виновата?

– У сильного всегда бессильный виноват! – Танечка снова начала всхлипывать. – Еле от него в туалет улизнула... сюда он, к счастью, не посмел вломиться... но теперь он наверняка караулит в коридоре и не даст мне выйти! – Хрупкие Танечкины плечики снова затряслись от рыданий.

– Да что же это такое! – Лола вскинула голову, ноздри у нее возмущенно раздувались. – Подлый мужской шовинизм переходит все границы! Одни наглые, бессовестные мужики разбежались и попрятались, спихнув всю работу на слабые женские плечи, другой беззастенчивый шовинист вытирает об тебя ноги... доколе же мы будем это терпеть! Пойдем, я ему все выскажу! – И она потянула Танечку к дверям.

Надо сказать, что такой боевой задор возник в ее душе не столько из сочувствия к Танечке, сколько под влиянием постигшего ее саму разочарования. Но важны не побудительные мотивы наших поступков, а результаты.

Не успели две внезапно сдружившиеся девушки выйти в коридор, как из-за его поворота вылетел, раскинув полы плаща, как старый коршун пыльные крылья, известный писатель Алексей Волкоедов.

– А-а! – злорадно воскликнул он, стремительно пикируя

на бедную Танечку. – Затаилась? Думала, отсидишься? Ты еще не знаешь Алексея Волкоедова!..

– А ты еще не знаешь, на что способна оскорбленная женщина! – воскликнула Лола, загораживая своим телом сжавшуюся от страха Танечку. – Нашел себе достойного противника! Совсем заклевал слабую девушку! Ты попробуй со мной в таком тоне поговорить! Я тебя живо на место поставлю! Я не посмотрю, что ты якобы известный писатель!

– Что значит – «якобы»? – оскорбился Волкоедов. – Позвольте! Меня знает народ! Меня читают миллионы! Меня любят в «Крестах» и во Владимирском центре!

– Вот там тебе самое место! – отрезала Лола. – И вообще, запомни, любимец народа: еще раз повысишь голос на Татьяну – я тебе лично глаза выцарапаю! Честное слово, не пожалею маникюра и выцарапаю!

В Лолиной угрозе было столько подлинного чувства, что Алексей Кириллович невольно отшатнулся и бросился прочь по коридору, раскинув полы плаща, как крылья, и что-то обиженно бормоча себе под нос.

Оглянувшись, Лола увидела восхищенное личико Татьяны, ее круглые незабудково-голубые глазки, восторженно уставившиеся на бесстрашную спасительницу.

А в стороне стояла белобрысая девица с лошадиным лицом – та самая, из Аглаинового кабинета. Она смотрела на Лолу без восхищения – напротив, с удивлением и испугом.

– Как ты его! – воскликнула Танечка. – Просто класс!

– Никогда нельзя спускать мужикам проявления шовинизма! – проговорила Лола, настороженно покосившись на белобрысую.

Дома все было как обычно. Все Лолино семейство находилось в сборе. Леня с Аскольдом в гостиной смотрели по видеку фильм из жизни домашних кошек, который назывался «Ночные хищники». Попугай дремал на шкафу, Пу И с увлечением катал по полу тубик Лолиной губной помады. Словом, все были довольны и счастливы.

Маркиз вопросительно оглянулся на Лолу, сразу же заметил, что его боевая подруга вернулась откуда-то явно не в духе. Лола молча разделась и скрылась в своей комнате. Леня переглянулся с котом, тот отвернулся и уставился на экран с самым своим невозмутимым видом. Попугай приоткрыл один глаз и тихонько что-то пробормотал.

– Пу И, – приказал Леня, – пойди проведай Лолу, кажется, у нее неприятности.

Пу И нехотя бросил свою игрушку и отправился на разведку.

– Пуишечка, детка! – Лола порывисто схватила песика на руки и осыпала поцелуями. – Один ты меня любишь в этом жестоком и несправедливом мире! Только ты, видя, что мне плохо, проявил сострадание и пришел меня утешить!

Понемногу она входила в раж, в голосе появились нотки подлинного страдания, ведь Лола была актрисой, ей ничего

не стоило войти в образ.

– Брошенная всеми! – продолжала она «сценическим» голосом. – Удаленная от мира...

Тут Лола остановилась, потому что Маркиз вошел в комнату и демонстративно зааплодировал:

– Браво, дорогая, ты в прекрасной форме!

– Если бы! – горестно вздохнула Лола. – Твои слова да Богу в уши...

– Ну что у нас опять случилось? – Леня подошел ближе и погладил Лолу по голове, как маленькую. – Что у нас стряслось? Тебя обидели? Обругали в общественном транспорте? Не нужно в нем ездить...

– При чем тут общественный транспорт! – возмутилась Лола. – Неужели ты думаешь, что такая малость может вывести меня из себя?

Пу И, висая на руках у Лолы, сделал слабую попытку освободиться, но не тут-то было. Лола крепко прижала его к груди и осыпала поцелуями.

– На твоём месте, – кротко начал Маркиз, отметив страдальческое выражение в глазах песика, – я бы отпустил Пу И. Ему явно не по себе от твоих сильных чувств-вс-вс... Если тебе необходимо излить душу, я готов тебя выслушать.

– А ты не будешь смеяться? – грустно спросила Лола.

– Ни боже мой! – заверил Леня. – Дорогая, как ты можешь так плохо обо мне думать?

– И ругаться тоже не будешь?

– Ну, разумеется, нет, ведь мы же друзья и компаньоны, кто же тебе еще поможет в трудную минуту? Ну, давай рассказывай, что у тебя стряслось.

– Понимаешь, там, у профессора, специалиста по говорящим птицам, я встретила Аглаю Михайловну. Ты ее не знаешь, а мы знакомы давно, и теперь она работает на телевидении, занимается кастингом, то есть набором персонала. И она пригласила меня прийти, сказала, что как раз занимается подбором актеров для нового сериала.

– Ну-ну, – сказал Леня, – это к ней ты потащишься сегодня с утра пораньше, расфуфырившись, как кукла на чайник?

– При чем тут чайник? – надулась Лола. – Сам обещал выслушать, а сам грубишь!

Но все-таки ей очень хотелось выговориться, и она продолжала, хотя в глубине души понимала, что лучше этого не делать.

– И там, понимаешь, оказалось, что...

– Все ясно! Тебя не взяли! – воскликнул Леня. – Ты считаешь, что тебя незаслуженно обошли, и призываешь все кары на счастливую соперницу! Ты снова будешь дуться, ругаться и рыдать! Лолка, ну неужели тебе не надоело?

– Да подожди ты... – попыталась вклиниться Лола.

– Тебе мало, чтобы я один восхищался твоей неземной красотой! – Маркиз тоже вошел в раж. – Тебе обязательно нужно, чтобы вся страна пялилась в экраны телевизоров, глядя на тебя, и чтобы какой-нибудь козел тискал тебя в кад-

ре! Лола, твои амбиции когда-нибудь тебя погубят! – произнес Маркиз и остановился перевести дух.

Лола махнула рукой и ушла на кухню. Попугай Перришон встрепенулся на шкафу, встряхнулся и полетел за ней. На кухне он уселся на верху пенала и поглядывал оттуда на Лолу с опаской.

– Явился! – завелась Лола, заметив попугая. – Глаза бы мои на тебя не глядели, карьерист несчастный!

– Кошмар-р! – ответил попугай.

– Не притворяйся, что расстроен! – прикрикнула Лола. – Ну надо же, вырастили на свою голову! Пригрели змею на груди!

– Кого ты имеешь в виду? – удивился Маркиз.

– Кого же еще, как не его! – бросила Лола. – У, интриган несчастный!

– Стр-рах! – крикнул попугай.

– Шею бы тебе свернуть, да руки марать неохота, – продолжала Лола.

– Дорогая, – забеспокоился Маркиз, – что происходит?

– А ты знаешь, кого, оказывается, Аглая пригласила в сериал? В кого она влюбилась без памяти, кому обещала выгодные условия и рекламу? Ему, Перришону! Потому что главный герой сериала – попугай, как раз такой, как наш!

И Лола бросила Лене книжку в яркой обложке, которую прихватила у Аглаи Михайловны, чтобы почитать на досуге.

Маркиз внимательно взглянул на обложку, сравнил изоб-

раженного на ней попугая с живым Перришоном, после чего плюхнулся на кухонный диванчик, задыхаясь от хохота.

– Ой! А ты, значит, подумала, что это тебя приглашают? Разоделась тут... а эта самая Аглая запала на Перришона? А что, он у нас парень видный...

– Гад ты все-таки, Ленька, – горько сказала Лола. – Обещал ведь не издеваться, а сам...

Она ушла в спальню, чтобы немного поплакать, не на публику, а для себя. Маркиз усовестился и решил сбегать в магазин, чтобы купить для Лолы что-нибудь вкусненькое, от сладкого, к примеру, всегда улучшается настроение.

– Лолочка, – постучался он к ней через полчаса, – давай чай пить с пирожными. Раз ты не будешь сниматься в сериале, можно себе позволить больше сладкого, оно стресс снижает. Я и Перришону фисташек купил, и Пу И орехового печенья.

Про Аскольда он не упомянул, Лола и так знала, что о коте Ленька позаботится в первую очередь.

Лола думала всю ночь, а потом решила, что она не вправе лишать попугая Перришона его единственного шанса. Если она из зависти и от обиды откажется от предложения Аглаи Михайловны, то чем в таком случае она отличается от тех эгоистичных матерей, которые держат детей около своей юбки, не давая им свободы выбора?

И профессор Пуаро говорил, что Перришону обязатель-

но нужна смена обстановки. Что ж, Лола пересилит себя и пойдет с попугаем на телестудию, пускай никто потом не говорит, что она пыталась чинить препятствия его карьере на телевидении!

Алексей Кириллович Волкоедов выбрался из машины и, недовольно пыхтя, двинулся к подъезду.

Поездка в телецентр получилась совершенно бесполезная. Руководство от встречи с ним благополучно уклонилось, подсунули ему девчонку для битья, и даже на нее не удалось как следует покричать, чтобы выпустить пар, израсходовать излишки адреналина: выскочила какая-то дикая кошка, наорала на него сама, да еще чуть не выцарапала глаза...

Правда, впереди его ожидал покой, любимое глубокое кожаное кресло, рюмка хорошего французского коньяка и компакт-диск с итальянской оперной музыкой...

Во всех интервью Алексею Кирилловичу приходилось говорить, что он слушает исключительно радио «Русский шансон», чтобы не оскорбить эстетическое чувство своих многочисленных читателей, на самом же деле он предпочитал Россини и Верди.

Алексей Кириллович тяжело вздохнул, нажал кнопки кодового замка и вошел в свой подъезд.

Возле лифта он увидел сутулую фигуру.

Узнав этого человека, Алексей Кириллович еще больше

огорчился.

Это был не приступ отвратительного настроения, которое он испытывал после бесполезной поездки на телестудию.

Это было тоскливое предчувствие утомительного разговора с занудой. К тому же еще ненормальным занудой.

– Зачем вы пришли? – недовольно спросил Волкоедов. – Ведь я вам вчера уже все сказал!

– Я пришел, чтобы восстановить историческую справедливость! – пробубнил занудный псих.

– Вы на часы не смотрели? – Алексей Кириллович скрипел, как от негативной рецензии. – Вы что же, думаете, если я писатель, человек свободной профессии, то меня можно мучить круглосуточно? У меня совершенно нет сил! Ну разве так можно? Приходите завтра, в первой половине дня, я уделю вам часа полтора... хотя честно вам скажу – не знаю, о чем мы станем говорить! Я вчера все вам сказал, и, если повторять это еще раз, честное слово, мне просто жалко своего и вашего времени!

– Вот видите! – Псих оживился, как будто нашел в словах Волкоедова неожиданную поддержку. – Вы сами сказали, что приходить завтра совершенно бессмысленно...

– Ну и что из этого? – беспокожно переспросил Алексей Кириллович, чувствуя, что странный человек пытается перехитрить его, заманивает его своими словами в какую-то ловушку.

– Значит, нет никакого смысла откладывать это на завтра!

– Что откладывать? – Волкоедов взглянул на лестницу, надеясь, что появится кто-нибудь из соседей и поможет ему выкарабкаться из этого бесполезного, бесцельного и утомительного разговора.

Никого, конечно, не было.

– Что откладывать? – тоскливо повторил Волкоедов, поняв, что подмоги не будет и придется выпутываться самому.

– Восстановление исторической справедливости.

Нет, все-таки какой зануда! И почему он привязался именно к нему, к Алексею Кирилловичу, известному и преуспевающему писателю?

Он чувствовал, что покой в удобном, глубоком кожаном кресле и рюмка хорошего выдержанного французского коньяка откладываются, что прежде ему придется снова разговаривать с этим занудным кретином, обсуждать его дурацкие амбиции...

Сутулый человек подошел к нему вплотную, словно хотел что-то сказать на ухо. Волкоедов брезгливо отстранился, и вдруг он увидел, что в руке психа блеснуло что-то острое и тонкое. Алексей Кириллович открыл рот, чтобы возмутиться, чтобы как следует отчитать этого идиота, который вообразил о себе невесть что, но идиот снова придвинулся к нему вплотную и коротким сильным ударом воткнул в грудь свое тонкое и острое оружие.

Почему-то Волкоедов в первое мгновение очень расстроился из-за того, что этот кретин испортил замечательный и

очень дорогой серый плащ от Хьюго Босс.

Во второе мгновение он почувствовал страшную, пронзительную боль и удивительную щемящую тоску, как будто он внезапно понял, что никогда не напишет тот настоящий, тот удивительный роман, о котором мечтал многие годы и в котором хотел высказать все то, что за эти годы накопилось в его душе... Впрочем, так оно и было – ведь у Алексея Кирилловича Волкоедова попросту больше не было времени на то, чтобы написать этот роман. У него вообще ни на что больше не было времени, потому что его жизнь неожиданно и катастрофически завершилась.

Алексею Кирилловичу стало совершенно нечем дышать, как будто в мире внезапно кончился воздух. Даже те жалкие, ничтожные крохи воздуха, которые удавалось невероятным усилием втянуть в легкие, совершенно не годились для дыхания – они были сухими и горькими, как страницы газет с ругательными рецензиями.

Волкоедов успел еще подумать, что ему так и не удастся получить Нобелевскую премию по литературе, да что там – даже жалкого «Букера» ему уже не дадут, и на этой грустной мысли он скончался.

Алексея Кирилловича Волкоедова, известного писателя, горячо любимого широкими уголовными массами, больше не существовало.

Тело в дорогом плаще от Хьюго Босс сползло по грязной стене подъезда и застыло на каменном полу перед дверью

лифта.

Сутулый человек внимательно посмотрел на дело своих рук, наклонился над бездыханным телом и сделал еще одно... это было неприятно, но необходимо. После этого он убрал свои окровавленные инструменты в полиэтиленовый пакет и спрятал в карман.

Оглянувшись по сторонам, он торопливо направился к выходу, вполголоса проговорив:

– Историческая справедливость восторжествовала...

Чуть подумав, он добавил:

– Частично восторжествовала!

На этот раз Лола вошла в дом на улице Чапыгина без прежнего радостного, победного настроения. В душе у нее пели не бодрые фанфары, а скорбные трагические скрипки.

Она старалась внушить себе мысль, что несет на телестудию Перришона, как заботливые матери ведут своих талантливых детей в музыкальную или художественную школу, надеясь открыть перед ними ворота к славе... Однако не могла при этом отделаться от сложного неоднозначного чувства и с невольной ревностью поглядывала на клетку с попугаем.

Перришон, наоборот, выглядел совершенно счастливым и поглядывал по сторонам с видом наследного принца, объезжающего свои будущие необозримые владения.

Когда дежурный в вестибюле телецентра выписывал Лоле пропуск, Перришон прокашлялся и хрипло выкрикнул:

– Р-работаем? Пр-ривет, пр-ривет!

Дежурный от неожиданности выронил авторучку. Лола покосилась на попугая и прикрикнула на него:

– Веди себя прилично!

Потом она повернулась к охраннику и проговорила:

– Извините, он волнуется, первый раз на студии... кстати, на него пропуск не нужно оформлять?

– Нет, – дежурный, наголо выбритый военный отставник, с интересом посмотрел на Перришона, – не нужно, он проходит как инвентарь.

– Инвентар-рь? – истошно завопил попугай, оскорбленный до глубины души. – Дур-рак! Кр-ретин!

– Все понимает! – изумился отставник.

– Извините, – пробормотала Лола, схватила пропуск и от греха подальше помчалась к лифту.

На третьем этаже царило какое-то беспокойство. То есть телецентр и в обычные дни здорово напоминал разоренный муравейник, но сегодня он был похож на муравейник в ожидании ревизии.

Сотрудники передвигались по коридору или стояли возле дверей парами и группами и о чем-то озабоченно переговаривались.

Лола, не обращая внимания на всю эту суету, подошла к двери триста восьмого офиса и заглянула внутрь.

В комнате присутствовали в данный момент только Аглая Михайловна и прежний длинноволосый парень, как всегда,

поглощенный созерцанием экрана монитора.

Поскольку парень представлял собой всего лишь приложение к компьютеру и не годился в собеседники, Аглая Михайловна не находила себе места и очень обрадовалась Лолиному появлению.

– Аглая Михайловна, душечка, – начала Лола тоном христианской мученицы, – я принесла его... Перришона...

– Здр-равствуйте! – гаркнул вежливый попугай. – Р-работать! Р-работать!

– Ах, до работы ли тут! – театрально простонала Аглая Михайловна, прижав тонкие пальцы к вискам. – У нас просто сумасшедший дом! Натуральный сумасшедший дом!

Лола удивленно посмотрела на Аглаю, которая всегда была энергична и решительна и не опускалась до таких жалоб.

– Что случилось?

– Студия полна милиции... всех допрашивают, у всех требуют алиби... это какой-то ужас!

– Кошмар-р! – поддержал разговор вежливый попугай.

– Да что случилось-то? – повторила Лола.

– Как, Олечка, ты ничего не знаешь? У нас такой ужас, такой ужас! Вся студия бурлит!

– Да, я заметила, – растерянно проговорила Лола. – Так что же все-таки у вас стряслось?

– Два убийства! – трагическим шепотом сообщила Аглая Михайловна. – Сначала Животовский, а потом – Волкоедов!

– Как – Волкоедов? – удивилась Лола. – Писатель Волко-

едов? Я его только вчера видела...

– Вот вчера вечером его и убили, – прошептала Аглая, – и так страшно убили! Так жестоко!

Лола подумала, что покойный был удивительный хам, но вслух этого не сказала, руководствуясь известной поговоркой: о мертвых говорят или хорошо, или ничего, кроме того, не убивать же каждого хама!

Вслух она сказала совсем другое:

– Ну надо же, еще вчера он был полон сил...

– Тр-рагедия! – вставил реплику разговорчивый попугай.

В это мгновение дверь офиса распахнулась и на пороге появилась вчерашняя белобрысая девица.

Увидев Лолу, девица резко побледнела, а ее лошадиное лицо еще больше вытянулось. Она попятилась, не сводя с Лолы испуганных глаз, как будто увидела привидение, и проговорила заплетающимся от страха языком:

– Она! Это она!

– Что это с ней? – Лола повернулась к Аглае Михайловне.

Странная девица тем временем вылетела из офиса как ошпаренная и с конским топотом понеслась прочь по коридору.

– Да что это с ней? – повторила Лола.

Аглая Михайловна пожала плечами, но при этом она смотрела на Лолу с некоторым подозрением.

– Так что, – не дождавшись ответа, проговорила Лола, – сегодня у вас нерабочая обстановка? Нам с Перришоном

лучше прийти в другой день?

Не успела Аглая Михайловна ответить, как дверь комнаты снова открылась. На пороге появился невысокий лохматый мужчина лет тридцати пяти с мрачным широким лицом. Засунув руки в карманы мешковатых брюк, он переводил взгляд с Аглаи на Лолу.

Из-за его спины высунулась все та же белобрысая девица. На этот раз, кроме страха, на ее лошадином лице отчетливо вырисовывалось торжествующее выражение.

– Вот она! – воскликнула девица, указывая рукой на Лолу.

– Та-ак! – угрожающе проговорил лохматый и сделал шаг вперед. – А вам – спасибо! – Он покосился на торжествующую девицу.

– В чем дело? – растерянно осведомилась Лола.

– Капитан милиции Хвощ, – представился лохматый и небрежным жестом протянул Лоле раскрытое удостоверение.

– А в чем дело-то? – снова спросила Лола, невольно попятившись.

– Это она! Это точно она! – снова высунулась из-за спины милиционера белобрысая девица.

– Вопросы буду задавать я! – сурово ответил Лоле капитан и тут же задал свой вопрос: – Вы вчера были здесь, на телестудии?

– Ну, была, – испуганным голосом ответила Лола, – а что, разве это преступление?

– Я же сказал – вопросы задаю я! – Капитан Хвощ повысил голос. – А встречались ли вы вчера с господином Волкоедовым?

– Ну, встречалась, – неохотно отозвалась Лола, чувствуя, что лохматый капитан загоняет ее в какую-то ловушку.

– Она это, она! – снова подала голос белобрысая девица, подпрыгивая от возбуждения.

Капитан посмотрел на нее строго, и белобрысая виновато затихла.

– Был ли у вас с господином Волкоедовым конфликт?

– А потому что он... – начала Лола, но потом потупилась под суровым взглядом капитана и лаконично призналась: – Да, был.

– Угрожали вы покойному господину Волкоедову? – продолжал милиционер неотвратимо, как бульдозер.

– Да ничем я ему не угрожала! – вспыхнула Лола. – А что он, в самом деле, набросился на беззащитную девчонку?

– Угрожала, угрожала! – взвизгнула белобрысая из-за надежной спины милиционера. – Я слышала! Она ему грозила глаза выцарапать! Так и сказала – «маникюра не пожалею, а глаза тебе выцарапаю»!

– Было это? – сурово спросил капитан Хвощ, уставившись на Лолу немигающими стальными глазами.

– Ну, это же не всерьез! – воскликнула Лола, отступая в проход между столами. – Это же просто так говорится! Не думаете же вы, что я на самом деле...

– Не всерьез? – насмешливо повторил капитан. – Вы так считаете?

Он достал из кармана пиджака фотографию и протянул ее Лоле.

Лола в ужасе уставилась на четкий снимок.

На грязном цементном полу в жалкой и неестественной позе лежал крупный мужчина в мятом сером плаще. Не было никаких сомнений в том, что этот мужчина мертв.

В нем трудно было узнать известного писателя Волкоедова.

В первую очередь из-за того, как выглядело его лицо.

Лицо было залито кровью, но не это самое главное. И не из-за этого у Лолы неожиданно пересохло во рту и сердце бешено забилося в каком-то совершенно неподходящем месте.

Дело в том, что у писателя Волкоедова не было глаз.

Они оказались выколоты, и на их месте темнели отвратительные кровавые провалы.

– Не всерьез? – повторил капитан Хвощ, но на этот раз в его голосе не чувствовалось насмешки. – А по-моему, все это очень даже серьезно!

– Это она, это она! – истерично завизжала белобрысая девица, выскочив из-за спины капитана. Она подскочила к Лоле и схватила ее за руку, уставившись на удлинённые, ухоженные ногти. – Маникюра, сказала, своего не пожалею, а глаза выцарапаю!

Капитан Хвощ поморщился, взял белобрысую за плечо и отвел в сторону. Затем он повернулся к Лоле и потребовал:

– Ваши документы!

Лола трясущимися руками протянула милиционеру паспорт. Капитан уселся за свободный стол, расчистил место, сдвинув в сторону стопки бумаг и грязную кружку с густыми потеками кофейной гущи на стенках, и начал заполнять какую-то бумагу.

Перришон неожиданно запрокинул голову и гаркнул во все свое попугайское горло:

– Тр-ревога! Дежур-рная бр-ригада, на выезд с ор-ружием!

Милиционер вскочил из-за стола, схватился за кобуру, но тут до него дошло, что тревога ложная, он вытаращил глаза и погрозил попугаю кулаком:

– Это что за шуточки?

Попугай склонил голову набок и проникновенно произнес:

– Дур-рак мусор-р, кр-руглый дур-рак!

Капитан выпучил глаза и заорал:

– Это еще что за гадство? Я тебя за оскорбление при исполнении в обезьянник засажу! Посидишь ночку, научишься органы уважать!

Тут вдруг подала голос молчавшая до сих пор Аглая Михайловна:

– Капитан, ну что вы! Разве можно попугая – в обезьян-

ник? Он там такого нахватается, а ему у нас играть! И вообще, он же просто птица – не отвечает за свои слова! Он вообще не думает, что говорит! Капитан, вы любите телевидение? Вы же не хотите сорвать съемки?

– При чем здесь, блин, попугай? – Милиционер все не мог успокоиться, его глаза горели недобрым блеском.

– Он не просто попугай, – не сдавалась Аглая, – он артист, он наш сотрудник. У него, как у всякого артиста, тонкая, ранимая душа...

– А если сотрудник, то должен отвечать по всей строгости закона! – проговорил капитан, постепенно успокаиваясь.

– Пр-рошу пр-рощения! – прохрипел попугай, покаянно опустив голову.

– Во, блин, дает! – восхитился капитан. – Артист! А вы говорите – птица!

Он снова сел за стол и продолжил заполнять бумагу.

«Небось за попугая Аглая вступилась, – обиженно подумала Лола, – потому что он ей в сериале нужен, а я ей никто!»

Капитан тем временем переписал Лолины паспортные данные и приступил к вопросам.

– Насколько близко вы знали потерпевшего?

– Кого? – переспросила Лола, которая от волнения плохо соображала.

– Потерпевшего, – раздраженно повторил капитан, – убитого. Фотографию которого я вам показывал.

Вспомнив ужасное лицо на снимке, Лола вздрогнула и по-

спешно проговорила:

– Я его вообще не знала.

– Нехорошо! – задумчиво проговорил милиционер. – Очень нехорошо!

– Пер-ренька хор-роший! Хор-роший! – подал голос попугай, услышав знакомое слово.

– Попрошу соблюдать тишину! – не поворачиваясь к попугаю, прикрикнул капитан Хвощ.

Попугай испуганно замолчал, выразительно хлопая круглыми глазами.

– Что нехорошо? – спросила Лола.

– Только что вы под давлением фактов показали, что вчера у вас был конфликт с потерпевшим, а теперь утверждаете, что вы его вообще не знали! Это вас очень плохо характеризует...

– Да что вы меня запутываете! – от волнения Лола повысила голос. – Я его не знала, вчера первый раз встретила в коридоре, первый и последний...

– Вот именно – последний, – мрачно повторил за Лолой милиционер, – и незачем повышать на меня голос.

– Я не повышаю... – Лола чуть не плакала.

– Повышаете. И объясните мне, как такое получилось – вы встретили потерпевшего, по вашим словам, первый раз в жизни, и у вас с ним тут же произошел конфликт?

– Бр-ред! – не удержался Перришон.

– Вот именно! – Капитан впервые согласился с попугаем.

– Он... потерпевший... очень грубо разговаривал с девушкой, сотрудницей телестудии. Она была очень расстроена... ну, я за нее просто вступилась! Нельзя же, в конце концов...

– Какая девушка? Как фамилия? – милиционер поднял на Лолу недоверчивый взгляд.

В это время дверь комнаты резко распахнулась, и в офис влетела вчерашняя голубоглазая девчушка Танечка, бессловесная жертва покойного Алексея Кирилловича Волкоедова.

Но как она изменилась!

Голубые глазки метали громы и молнии, на круглом кукольном личике горел гневный румянец, Танечка, кажется, стала даже выше ростом.

– Отпустите ее! Отпустите ее немедленно! – закричала она на капитана Хвоща, замахиваясь на него маленькими твердыми кулачками. – Сейчас же отпустите! Она ни в чем не виновата!

– Это еще кто? – удивленно уставился на Танечку милиционер.

– Вы спрашивали, за какую девушку я вступилась, – проговорила Лола, взяв себя в руки, – вот за эту. Это на нее безобразно кричал потерпевший.

– Да! – взвизгнула Танечка. – Он меня довел до истерики! Он хам! Он ужасный хам! А она вступилась за меня, не дала меня в обиду! И я тоже не отдам ее вам на растерзание!

С этими словами Танечка встала перед Лолой, заслоняя

ее от грозного капитана своим тщедушным телом.

– Да никто и не собирается ее... терзать! – пробормотал Хвощ, растерянно глядя на неожиданную Лолину защитницу. – Ворвалась тут, понимаешь... а до истерики вас довести, как я погляжу, ничего не стоит! Это что же – каждого придется убивать?

– Никого она не убивала! И арестовать ее я вам не дам! – трагическим голосом выкрикнула смелая девчушка, гордо вскинув голову, как Галилео Галилей перед инквизиторами.

– Вот уж не спрошу у вас, кого мне арестовывать, а кого не надо! – обиженно пробурчал капитан. – Да с чего вы взяли, что я собираюсь ее арестовывать? У меня пока недостаточно для этого оснований! А вести себя так с представителем закона нельзя! Ваша фамилия? – Он достал ручку и потянулся за листком бумаги.

– Моя фамилия Пеночкина! – гордо откликнулась девчушка. – Можете меня арестовывать!

– Да кому вы нужны, Пеночкина! – недовольно отмахнулся милиционер, записывая ее фамилию. – Я просто собираю показания... а за что на вас потерпевший так напустился?

– Ни за что... – Танечкины круглые глазки снова наполнились слезами. – Все начальство от него попряталось, а меня выдали ему... на растерзание... – И она, вспомнив вчерашние обиды, захлюпала носом.

– Вот, понимаешь, порядки, – сочувственно проговорил Хвощ, – прямо как у нас. Тоже, как начальство в сердцах

приедет, полковники попрячутся и подставляют рядового капитана...

Осознав, что подобное сочувствие понижает его авторитет, капитан посуровел и продолжил, склонившись над протоколом:

– Значит, Пеночкина, вы подтверждаете, что вчера имел место серьезный конфликт между покойным гражданином Волкоедовым и присутствующей здесь гражданкой Чижовой?

– Ничего не конфликт! – снова вскинулась Танечка. – Она за меня просто вступилась!

– Это вы мне уже десять раз говорили... а что насчет угроз выцарапать ему глаза?

– Не было никаких таких угроз! – Танечка решила стоять насмерть.

– А вот присутствующая здесь гражданка... – Милиционер повернулся к белобрысой девице с лошадиной физиономией, которая, раскрыв рот, наблюдала за происходящим.

– А ей лишь бы кому-нибудь подгадить! – Танечка повернулась к белобрысой. – Ах ты...

– Были угрозы! – выкрикнула та в ответ.

– Вр-рет! Вр-рет! – очень своевременно гаркнул попугай.

– А вы вообще молчите, вас там не было! – отозвалась белобрысая, от удивления обратившись к попугаю на «вы».

– Сумасшедший дом какой-то! – проговорил капитан, складывая свой листок. – Истерички, артисты, попугаи, и у

каждого, видите ли, тонкая ранимая душа... все! Буду вас вызывать к себе повестками, в отделении милиции вы такой цирк не посмеете устраивать!

– Дур-рдом! – попугай в кои-то веки оказался солидарен с представителем власти.

Не помня себя, Лола подхватила клетку с попугаем и побрела по лестнице.

– Вот это номер! – бормотала она. – Сходили на студию, называется, снялись в сериале. Этот детектив похлеще киношного будет. Что у них там – мужа похитили? А меня чуть в тюрьму не упекли!

– Др-р-янь какая! – заорал попугай из клетки.

– Ты уж молчи! – разозлилась Лола. – Все из-за тебя! То же мне, захотелось ему славы всемирной! Артист погорелого театра, вот ты кто!

Попугай обиделся и замолчал, тем более что Лола прикрыла клетку платком.

Она подняла руку и села в первую же попавшуюся машину – темно-красные «Жигули». Водитель пытался пристать с разговорами, но Лола была погружена в собственные проблемы, отвечала невпопад, и водитель отстал.

Ну и ну, думала Лола, это что же такое получается? Кто-то убивает людей в телецентре, и во втором убийстве подозревают ее? Угораздило же ее сцепиться с этим, как его, Волкеевым! Хам был редкостный и склочник, все с ним руга-

лись, а убийство хотят свалить на нее. И есть ведь еще второе убийство, продюсера зарезали, ну уж там-то Лола ни сном ни духом, но как знать? Если милиции нужен подозреваемый, так, может, и то убийство свалят на Лолу... Скорей домой, к Лене, он, конечно, будет ругаться, что она, ничего ему не сказав, поперлась на студию, но все-таки поможет, должен помочь.

– Какой подъезд? – спросил водитель.

Лола очнулась от грустных мыслей, указала подъезд, расплатилась и вышла, ссутулившись под гнетом навалившихся неприятностей. Машина газанула и сорвалась с места. Лола машинально оглянулась и отметила, что в номере рядом стоят подряд две девятки.

Лола прошла мимо консьержки, не поздоровавшись, что для нее было делом неслыханным, поднялась на лифте и открыла дверь своим ключом.

– Дорогая, ты уже дома? – окликнул ее Леня. – Так быстро?

Все обитатели квартиры высыпали в прихожую, даже кот притащился.

– Что-то не так? – прищурился Маркиз, он отлично умел читать у Лолы по глазам.

– Все не так! – убитым голосом произнесла Лола. – Если бы ты знал, как все плохо!

– У тебя реквизируют Перришона? – спросил Маркиз.

– Да при чем тут это! – Лола махнула рукой. – Перри-

шон...

Тут она оглянулась в поисках клетки, не нашла ее рядом и поглядела на Леню вытаращенными от ужаса глазами.

– Где попугай? – железным голосом спросил Леня. – Что ты с ним сделала?

– Ленечка, ты только не волнуйся, – жалко залепетала Лола, – но кажется, я его потеряла...

– Та-ак, – протянул Леня внешне спокойно.

Но это было затишье перед грозой, когда черная туча уже нависла над крышами домов, птицы замолкли, и хозяйки сломя голову несутся снимать подсыхающее белье. Спокойствие в Ленином голосе никого не обмануло. Лола втянула голову в плечи и закрыла глаза, готовясь принять справедливую кару, предусмотрительный кот Аскольд одним длинным прыжком взвился на шкаф, и только глупышка Пу И не нашел ничего умнее, чем прижаться к ногам любимой хозяйки. В данной ситуации, прямо скажем, не слишком безопасное место!

– Повтори еще раз, – проскрежетал Леня, постепенно набирая обороты, как мотор от старого трактора, – что ты с ним сделала?

– Я забыла его в машине! – выпалила Лола. – Я была в таком состоянии, ты не представляешь, что случилось на телестудии!

– На тебя посмотрел благосклонно их самый главный режиссер? – ядовито осведомился Маркиз. – Кого ты там

встретила? Никиту Михалкова? Эльдара Рязанова? Этого, как его... – Он запнулся, потому что забыл фамилию, и Лола воспользовалась этим, чтобы вставить словечко в свою защиту:

– Ты бы выслушал сначала, что произошло, а потом издевался! Тебя, между прочим, это тоже касается!

– Ты лучше про попугая, – посоветовал Леня. – Говори конкретно, где и когда ты его оставила?

– Только что, в машине, когда ехала домой, – отрапортовала Лола. – Понимаешь, я была так расстроена, что просто забыла, что села в машину с попугаем, да еще прикрыла клетку, потому что он все время кричал всякие гадости. Он, конечно, перевозбудился там, на студии, все на него смотрели, да еще такое дело...

– Какая машина? – перебил Леня.

– Жигули «девятка», цвет – «коррида», – с готовностью ответила Лола.

– Очень мило! И ты представляешь, сколько в нашем городе «девяток» цвета «коррида»? – трагически возопил Маркиз. – Пока я буду их всех перебирать, попугай умрет!

– Ну, заметит же его водитель или пассажиры... – неуверенно возразила Лола.

– Ага, и выбросят на помойку! В клетке, так что бедная птица даже не сможет улететь!

– Скажите пожалуйста, как ты, оказывается, привязан к попугаю! – удивилась Лола. – А я и не знала! Но знаешь, я

еще обратила внимание, что в номере машины встречаются подряд две девятки.

– И на том спасибо! – буркнул Маркиз. – Хоть какой-то след. Будем искать, подключу Ухо, у него связи в ГИБДД.

Ухо был приятелем и старым знакомцем Маркиза, Леня часто использовал его в своих операциях, потому что Ухо был большой дока по части автомобилей. Он мог в считанные минуты угнать любую тачку и переоборудовать ее, имея для этой цели собственную автомастерскую, где работал один и пускал туда считанное количество друзей, среди которых был и Маркиз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.